

И. Сеп и А. Гранский

Лиз
„Политическая Литература“
ЭССР

ВИКТОР КИНГИСЕПП

ЯН СЕПП и АЛ. ГРОНСКИЙ

ВИКТОР КИНГИСЕПП

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ТЧЗ

„ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ТАЛЛИН 1946

Est.

**Bibliotheca
Universitatis
Tartuensis**

1946:3481

7991

«Яркие примеры жизни и борьбы настоящих пролетарских революционеров являются могучими двигателями вперед для миллионных масс, строящих новую жизнь».

В. МОЛОТОВ

Кингисепп!

Живой — он был окружен горячей любовью трудового народа и жгучей ненавистью буржуазии. Мертвый — он навсегда остался в благоговейной памяти трудового народа и возбуждал леденящий страх в реакционной своре.

В рабочем движении Эстонии не было имени более популярного, чем имя Кингисеппа. Кингисепп — воплощение революционных традиций рабочего класса Эстонии, его стойкости в борьбе за советскую власть.

Выдающийся большевик, прекрасный организатор, он был подлинным вождем эстонского трудового народа. Образованный марксист-ленинец, он сочетал в себе глубокие знания теоретика и богатый опыт организатора трудовых масс. Темпераментный оратор, прекрасный публицист, человек большого мужества и личного обаяния, он вошел в историю, как образец борца за дело народа, за коммунизм.

Без малого 20 лет отдал Виктор Кингисепп пролетарской революции. Избрав еще юношей тернистый путь революционной борьбы, он до последнего часа своей цельной жизни самоотверженно служил коммунистическому делу. Все выдающиеся события революционного движения в Эстонии связаны с именем Кингисеппа.

Эстонский народ, поднявшийся в 1917 году на советскую революцию, имел в его лице стойкого и энергичного вождя. Он

укрепляет большевистские организации, руководит свержением в Эстонии власти буржуазного правительства, смело и быстро подавляет сопротивление контрреволюции, создает вооруженные силы советской власти. Он руководит строительством новой жизни в Эстонии, созданием советской эстонской государственности.

После падения советской власти в Эстонии Кингисепп делит с трудовым народом все невзгоды, которые обрушила на него буржуазная клика. Он руководит коммунистической партией в новых, тяжелых условиях подполья. Около четырех лет он оставался неуловимым, несмотря на то, что сотни полицейских ищек искали его следы.

Кингисепп был арестован и расстрелян в мае 1922 года. Его оплакивал весь рабочий класс Эстонии. К скорби эстонских рабочих присоединился русский народ, который переименовал пограничный город Ямбург в город Кингисепп. Вся мировая коммунистическая печать посвятила Кингисеппу прочувственные некрологи.

Пятсу, Тыниссону и прочим из своры душителей Эстонии мало было того, что они растерзали Кингисеппа. Они хотели клеветой и ложью очернить его в глазах трудящихся.

Шельмованию подвергалась вся многолетняя борьба Кингисеппа за свободу. Враги пытались исторгнуть Кингисеппа из среды эстонского народа, выставляя его «иноземным агентом», человеком, потерявшим облик эстонца.

Это были попытки с негодными средствами. Жизнь Кингисеппа, вся — благородная самоотверженность, беззаветное служение народу, по праву стяжала ему славу национального героя, сделала его подлинной гордостью эстонских трудящихся. Его жизнь — богатая школа революционного служения народу.

В дни строительства социалистической Эстонии, обращая свои взоры к Кингисеппу, мы ощущаем его участником нашей великой работы, в которой он являет нам благородный и немеркнущий пример.

1.

Виктор Эдуардович Кингисепп родился 12 (24) марта 1888 года в Мариентале, близ города Курессаре на острове Сагема в семье рабочего.

Дед его — Аду Кингисепп был крепостным крестьянином и жил в Вильяндима. Он знал кузнечное дело и когда одному саремаскому помещику понадобился хороший кузнец, то тот, как это водилось в крепостное время, получил его в обмен на что-то. Так род Кингисеппов перекочевал на Сагема. Отец Виктора Кингисеппа — Эдуард работал сначала в кузнице родителя, а затем поступил на кожевенную фабрику Оскара Вильденберга в Курессаре, на которой проработал 25 лет. На сбережения купил себе под городом дом и сдавал его летом дачникам. На эти доходы и учил своих детей в Курессарской гимназии.

Окончив приготовительное училище, В. Э. в 1898 году поступил в Курессарскую (Аренбургскую) гимназию, которую успешно окончил. Дирекция гимназии в выданном Кингисеппу «Аттестате зрелости» отзывается о нем лестно:

«На основании наблюдений за время обучения в Аренбургской гимназии, поведение его вообще было весьма хорошее. Исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ весьма удовлетворительная...»

Еще будучи в старших классах гимназии, Кингисепп познакомился с участниками нелегальных кружков и проникся революционными идеями.

То было переломное время в Эстонии. В экономике страны происходят изменения, отражающие довольно быстрый рост капитализма во всей России. Эстония быстро превращается в ее промышленный район. Если в 1881 году в Таллине было всего 28 промышленных предприятий, то двадцать лет спустя — уже свыше ста.

Растет рабочий класс. В 1900 году только в Таллине насчитывалось свыше 10 тысяч рабочих, сосредоточенных на крупных предприятиях. Среди таллинских рабочих большинство составляли металлисты и текстильщики, а они повсюду были заповялами революционных выступлений.

Эстонский рабочий класс испытывал страшную эксплуатацию со стороны фабрикантов и капиталистов. В 70—80 г.г. прошлого столетия эстонские рабочие повели довольно энергичную борьбу за улучшение своего экономического положения. Первая внушительная забастовка в Эстонии произошла в 1872 году на Нарвской Кренгольмской мануфактуре. Спустя десятилетие, в 1882—1883 годах, по краю прокатилась широкая волна забастовок, охватившая Таллин, Нарву и некоторые другие города Эстонии.

Революционный марксизм пришел к эстонским рабочим из Петербурга, где начиная с 1893 года действовал Ленин. Созданный им «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые стал осуществлять в России соединение социализма с рабочим движением.

Первым соединением социализма с рабочим движением на эстонской почве стал осуществлять Михаил Иванович Калинин, отбывавший в Таллине в 1901—1904 годах ссылку за революционную деятельность. Михаил Иванович Калинин в созданных им кружках воспитывал рабочих политически. В листовках, напечатанных в Таллине на гектографе, Калинин связывал борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма.

М. И. Калинин заложил в Эстонии основы большевистской организации. Семена, посеянные им, дали хорошие всходы. Работа, сделанная Калининным в Ревеле в 1901—1904 годах, ощущалась и много позднее.

Юный Кингисепп, установив связи с нелегальными рабочими кружками, приобщился к революционному марксизму. Восприним-

чивость Кингисеппа к революционным идеям была подготовлена всей средой, всей обстановкой, в которой он жил.

Детские годы он провел на Сарема и юношей жил там месяцами. На Сарема еще сильнее, чем в других уездах Эстонии, ощущался национальный гнет немцев-помещиков. В их руках была подавляющая часть земли. Немецкие помещики подвергали эстонских крестьян зверской эксплуатации.

Мальчик много слышал о тяжелой доле эстонского крестьянина, сам видел, как свирепствовали современные феодалы. Он реагировал на это остро и больно. Книги деятелей «эпохи эстонского пробуждения» — стихи Лидии Койдула, Лийва, эпос «Калевипоег», проза Борнхехэ, а также политические памфлеты Карла-Роберта Якобсона — все это оставляло глубокий след в душе подростка, возбуждало в нем стремление увидеть свой народ свободным, разжигало в нем ненависть к угнетателям — немцам-помещикам и царским сатрапам.

«Пусть родной стране служенье заполняет каждый час» — эти стихи Лидии Койдула стали девизом юного Кингисеппа. Он искал пути освобождения своего народа. Некоторых из его сверстников увлекла националистическая пропаганда сложившихся в начале 20-го века в Эстонии буржуазно-националистических партий. Буржуазные националисты выставляли себя поборниками национальной свободы эстонского народа. Они нагло спекулировали на окруженных народной симпатией именах Койдула, Крейцвальда, Якобсона, чье дело будто бы они взялись продолжать.

Буржуазные националисты стремились использовать стихийную ненависть, которую питал эстонский народ к русскому царизму для того, чтобы разжечь национальную вражду, натравить эстонцев на русских тружеников и, тем самым, сорвать единую борьбу эстонских и русских пролетариев против царизма, капиталистов и помещиков.

Надо отдать должное юному Кингисеппу — он сумел устоять перед посулами и демагогией буржуазных националистов и избрать правильный путь борьбы за освобождение своего народа.

Кингисепп через членов нелегальных рабочих кружков получает революционную литературу. Он проникается сознанием того, что будущее трудящихся Эстонии решается в общей борьбе рос-

сийского пролетариата и крестьянства против царя, помещиков и капиталистов.

В 1905 году Клингисепи принимает участие в революционной работе. Его товарищи вспоминают, с какой глубокой убежденностью говорил он о победе революции.

2.

В 1905 году Кингисеппу было 17 лет, он тогда еще был «подмастерьем революции». В боях первой русской революции он учится сложному и опасному делу борьбы против царского строя.

12 января 1905 года, в ответ на злодейский расстрел мирного шествия в Петербурге, забастовали в Таллине заводы «Вольта», «Двигатель», целлюлозная фабрика...

Кингисеппа волновали известия о большой демонстрации рабочих Таллина 15 января. Около газового завода демонстрацию встретили войска, которые ударили в штыки. На бульжниках мостовой остались лужи крови. Через два дня вновь произошло кровавое столкновение на Балтийско-Портской улице.

Забастовки, стычки с войсками и полицией продолжались весной и летом. В октябре Эстония была охвачена всеобщей стачкой. Дело шло к вооруженному восстанию против царского строя. Ленин называл Прибалтийский край в числе тех, «где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен» (Соч. том IX, стр. 27).

Поднялась забитая эстонская деревня. Аграрное движение в Эстонии развертывалось с особой силой. Огромных размеров приняли забастовки батраков. Запылали поместья немецких феодалов.

На родине Кингисеппа, на острове Сарема крестьянское движение было особенно сильным. Кингисепп мог видеть горящие мызы немцев, вооруженных крестьян и батраков, которые напа-

дали на волостные управления, промели канцелярии. Крестьяне создали отряды народной милиции. На Сарема, Хигума и других островах народ установил революционное самоуправление.

Осенью почти весь край горел в огне массового восстания.

27—29 ноября в Тарту состоялся съезд «депутатов от всего эстонского народа», который утвердил организованные на местах органы революционного самоуправления. К этому времени в Эстонии насчитывалось 17 революционных самоуправлений, располагавших своей вооруженной силой в лице народной милиции.

В декабре события достигают своей наивысшей точки. К этому времени крестьянами были разгромлены и истреблены огнем, согласно официальной статистике: в Ревельском уезде 81 имение, в Гапсальском уезде — 23, в Вейсенштейнском (Ярваском) — 8, в Везенбергском (Вирумаском) — 2, в Юрьевском (Тартумаском) — 19, в Перновском — 13, в Феллинском (Вильяндимаском) — 5 и т. д.

В официальной записке «По запросам государственной думы о действиях карательных отрядов в Прибалтийском крае» царский чиновник с ужасом сообщает: «Впечатление от таких массовых разгромов и поджогов было ошеломляющее, достояние многих дворянских поколений, накопленное веками, богатые древние здания замков, хозяйственные усовершенствования... — все это обращалось в дым».¹

Эзельский (Саремаский) предводитель дворянства телеграфировал 13 декабря 1905 года управляющему министерством внутренних дел П. Н. Дурново об «ужасных» размерах «смуты» на острове Эзеле и о настоятельности принятия самых экстренных мер.

О декабрьских событиях в Эстонии можно составить себе некоторое представление по еженедельным запискам департамента полиции за период времени с 8 по 15 декабря, с 15 по 22 декабря и с 21 по 29 декабря.²

В первой из них сообщается, что в городе Ревеле возникла большая забастовка местных фабрик, заводов и торгово-промышленных предприятий, а также железных дорог, «наглые домога-

¹ Красный Архив, том XI—XII, 1925.

² Там же.

тельства» забастовавших рабочих, сведения об изготовлении ими бомб вынудили губернатора объявить 10 декабря Ревель с уездом на военном положении.

Во второй записке сообщается, что «за последнее время обостряется брожение среди эстонцев. С особенной силой проявляется оно в Ревельском уезде, где появилось несколько вооруженных отрядов, состоящих преимущественно из рабочих ревельских фабрик и заводов. Мятежниками сожжено за истекшую неделю около 40 помещичьих имений. Для водворения порядка из Ревеля направляются военные экспедиции в охваченные восстаниями местности. Один из таких отрядов имел 15 декабря вооруженное столкновение с повстанцами около имения «Койль»... Из Ревельского уезда движение распространяется на уезды Гапсальский и Вейсенштейнский, сопровождаясь и там разгромом имений.»¹

В огне этих событий Кингисепи складывался, как революционер. Он уже тогда понял полную противоположность между меньшевиками и большевиками, которые в ту пору еще формально входили в одну Российскую социал-демократическую рабочую партию, хотя на деле напоминали две различные партии. Большевики Ревеля, Тарту, Нарвы, Сарема были в первых рядах поднимающихся на революцию эстонских рабочих и крестьян. Большевики руководили всеми боевыми выступлениями пролетариата, они стояли во главе всеобщей октябрьской забастовки в Эстонии и мощной декабрьской забастовки в Ревеле. Они создавали вооруженные отряды, смело вступали в бой с войсками и полицией. Они вели энергичную агитацию на флоте и в войсках. А меньшевики — напротив, всячески сдерживали массы, труслили, сбивали трудящихся с революционного пути.

«Две линии боролись в РСДРП во время революции, линия большевиков и линия меньшевиков. Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции. Вместо

¹ Красный Архив, том XI—XII, 1925.

свержения царизма путем восстания они предлагали его реформирование и «улучшение», вместо гегемонии пролетариата — гегемонию либеральной буржуазии, вместо союза с крестьянством — союз с кадетской буржуазией, вместо временного революционного правительства — Государственную думу, как центр «революционных сил» страны.

Так меньшевики скатились в болото соглашательства, став проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, став на деле агентами буржуазии в рабочем классе.

Большевики оказались единственной революционно-марксистской силой в партии и в стране» («История ВКП(б), краткий курс», стр. 90).

Юный Кингисепи проникается сознанием, что только большевики ведут пролетариат к социалистической революции, что только большевики — подлинные революционеры. 1905 год сделал Кингисепи большевиком, верным учеником Ленина.

Полный впечатлений о революции в Прибалтике, с уже сложившимся решением встать в ряды борцов за социализм, Виктор Кингисепи в 1906 году едет в Петербург для поступления в высшее учебное заведение.

В заявлении, датированном 20 июля 1906 года, написанном по требуемой форме, Кингисепи писал на имя ректора С.-Петербургского университета: «Желая для продолжения образования поступить в С.-Петербургский университет, имею честь просить Ваше превосходительство сделать зависящее от Вас распоряжение о принятии меня на естественное отделение физико-математического факультета».

Кингисепи был принят в университет.

В 1906 году в Петербурге тов. Кингисепи вступает в партию большевиков. Осенью он уже принимает активное участие в работе петербургской большевистской организации, по ее заданиям ведет агитацию на фабриках и заводах.

В то время в Петербурге насчитывалось более 70 тысяч эстонцев, преимущественно фабрично-заводских рабочих. Имелся большевистский центр эстонского пролетариата — «эстонский район» Петроградской организации большевиков, который объединял не только все эстонские рабочие организации Петербурга и губернии, но и руководил Нарвской и другими большевистскими организа-

циями Эстонии. Здесь издавалась большевистская литература часто для всей Эстонии. Кингисепп был тесно связан с этим центром. Он был назначен членом эстонской коллегии агитаторов при Петербургском комитете партии, которая направила его в Московский район, где он и вел большевистскую работу.

Петербургская большевистская организация уже тогда была ведущей в России.

Первые навыки большевистской деятельности Кингисепп приобрел в рядах петербургского пролетариата. Здесь он прошел суровую и лучшую в мире школу революционной деятельности. Стойкость, которая всегда была характерна для Кингисеппа, высокая принципиальность и самоотверженность, бесконечная преданность делу коммунизма — были заложены в него большевиками Петербурга. Пример русских большевиков всегда стоял перед глазами Кингисеппа.

Кингисепп проникся искренней любовью к русскому народу. Ему полюбилась его стойкость, мужество, его покорила и тот дух коллективизма, который так силен среди рабочих Петербурга, ему импонировали жгучая ненависть русских рабочих к царизму и то глубокое сочувствие, с которым относились они к тяжелой доле угнетенных царизмом национальностей.

Свои частые приезды в Ревель в 1906—1907 году Кингисепп использовал для перевозки партийной литературы и для укрепления связей ревельских большевиков с петербургскими. Во время своих наездов в Эстонию Кингисепп принимал активное участие в местном рабочем движении.

В 1907 году тов. Кингисепп одно время был пропагандистом при Ревельском комитете РСДРП, который почти сплошь состоял из большевиков. Ревельские большевики в ту пору стали уже большой силой. Они выпускали нелегально первую в Эстонии большевистскую газету «Wõitleja» («Борец»), а также газету на русском языке, имели свои две типографии, устраивали массовые митинги в лесах, собрания на заводах. Большевики Ревеля устанавливали связи с другими социал-демократическими организациями в Эстонии и объединяли их вокруг Ревельского комитета.

В ночь на 23 января 1908 года полиция арестовала почти весь Ревельский комитет, свыше 200 членов партии, в том числе всех наиболее активных работников, накрыла типографию.

Обвинительный акт по делу членов Ревельского комитета содержит подробности о его деятельности:

«...эта группа лиц вербовала новых членов в свою организацию, организовала денежные сборы на цели пропаганды, на издания прокламаций и газет...; устраивала собрания и сходки «комитетские» и «районные» для обсуждения вопросов организации и агитации в рабочей среде и в войсках; издавала тектографированные и печатные издания группы; имела две тайные типографии и вошла в сношения с социал-демократическими организациями в других городах, как-то: в Петербурге, в Гельсингфорсе, Або и др.»¹

Кингисеппу, который уже тогда являлся, как вспоминают работавшие с ним в Ревеле товарищи, одним из наиболее активных большевистских работников, удалось избежать ареста только потому, что он незадолго до того выехал из Ревеля.

Таким образом, в 1907—1908 годах большевистская деятельность Кингисеппа протекала в Петербурге и в Ревеле. Он был как бы живой связью между этими двумя очагами революционного движения.

Весной 1908 года тов. Кингисепп был исключен из университета за невнос платы за обучение. Тяжелые материальные условия не позволили ему продолжать образование, а плохое состояние здоровья заставило на время переехать на родину в Курессаре.

Там он был вызван в присутствие для призыва в армию, но врачи признали его совершенно негодным к военной службе. Однако, несмотря на болезнь, Кингисепп продолжает революционную работу как в Эстонии, так и в Петербурге.

То было время тяжелой реакции. Кто был послабее душой, тот отошел от революции, постарался приспособиться к реакции, ужиться с царизмом. Большевики продолжали подпольную работу и в условиях реакции. Кингисепп в эту мрачную эпоху проявил свойственную ему твердость, мужество и, не взирая на опасность, вел большевистскую деятельность. В эти тяжелые годы он складывается, как крупный руководитель масс.

---

¹) «Пролетарская революция», № 12, 1923 г.

3.

Новый революционный подъем в России начинается в апреле — мае 1912 года, когда вспыхнули массовые политические стачки в связи с ленским расстрелом рабочих. «Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения. Тронулась!» — писал тогда Сталин.

«История ВКП(б), краткий курс» указывает, что в авангарде революционного рабочего движения шел героический пролетариат Петербурга, за Петербургом шли Прибалтийский край, Москва и Московская губерния и т. д.

На гребне нового революционного подъема родилась ежедневная большевистская газета «Правда». По примеру русских товарищей было решено и в Эстонии издавать рабочую газету — «Кийр» («Луч»). Не случайно «Кийр» возник в Нарве — здесь сильнее ощущалось революционное дыхание Петербурга, здесь проявляли много революционной энергии рабочие «Кренгольмской Мануфактуры». Первый номер эстонской рабочей газеты вышел 15 июня 1912 года. «Кийр» фактически был органом Ревельского комитета РСДРП. Газета расходилась по всей Эстонии, читали ее и эстонские рабочие, проживавшие в Петербурге.

Товарищ Кингисепи принимал активное участие в «Кийре». Он был ближайшим сотрудником газеты, деятельно распространял ее среди эстонских рабочих Петербурга. Во многих городах Эстонии, а также в Петербурге были группы, которые собирали

средства для рабочей газеты. Особенно большую помощь газете «Кийр» оказывала питерская группа, доставлявшая ей от четверти до одной трети всех средств. Во главе этой группы стоял Кингисепп.

Участие Кингисеппа в газете «Кийр» не прошло мимо жандармерии. 20 апреля 1913 года начальнику Эстляндского жандармского управления стало известно, что «редакция нарвской газеты «Кийр» ввиду критического финансового положения приняла меры к избранию лица, которое могло бы разъезжать по городам Прибалтийского края, а также в Гельсингфорсе и Петербурге с целью широкой пропаганды за выпуск этой газеты. Отбор пал на социал-демократа, проживающего в городе С.-Петербурге Кингисеппа, который изъявил свое согласие.»¹

В начале июня по поручению Петербургского комитета большевиков Кингисепп приехал в Ревель. После его приезда революционная работа в Ревеле заметно оживилась. 21 июня на «Двигателе» произошла политическая забастовка в знак протеста против предания военному суду 52 матросов-балтийцев в Кронштадте.

12 октября 1913 года начальник Эстляндского жандармского управления полковник Тиханович донес в департамент, что им получены агентурные сведения о предполагаемом съезде пайщиков товарищества «Рахва Сына», который должен был преобразовать издательство «Рахва Сына» и нарвскую газету «Кийр» в марксистский легальный орган. Для выработки программы этого съезда 12 пайщиков издательства, исключительно члены социал-демократии, собрались 6 октября в Петербурге вместе со студентом Виктором Кингисеппом. Они обсудили вопрос издательства и выработали план выступления рабочих ревельского фабричного района в память событий 1905 года и в знак протеста против репрессий по отношению к рабочей печати.

Жандармы писали в своих донесениях, что присутствующий на петербургском съезде тов. Кингисепп дал ревельским делегатам указания об агитации за всеобщую забастовку и об издании и распространении соответствующих прокламаций.

В ночь с 11 на 12 октября 1913 года полиция произвела

---

¹ Госцентрархив ЭССР, фонд Рижского Охр. Отд., дело № 367, 1913 г., стр. 74 об.

обыск у членов фабричного комитета заводов «Двигатель» и «Лютер». Обыск был и у Виктора Кингисеппа.

Тов. Кингисеппу и другим большевикам ревельская охранка предъявила обвинение в том, что «они состоят членами ревельской организации РСДРП, имеющей целью объединение рабочих для борьбы с существующим государственным строем за свое политическое и экономическое освобождение.»

Кингисепп в этот период вел большую борьбу против ликвидаторов и других оппортунистов, он много сил отдал тому, чтобы организационно укрепить эстонские большевистские организации и теснее связать их с Русским бюро ЦК РСДРП (большевиков), созданном на Пражской партийной конференции для руководства революционной работой в России, и с газетой «Правда». По инициативе Кингисеппа был возбужден перед Русским бюро ЦК РСДРП(б) вопрос о том, чтобы газета «Кийр» стала органом большевистской партии. Чтобы помочь представителю Русского бюро ЦК РСДРП(б) подробно ознакомиться с линией и содержанием газеты, тов. Кингисепп переводит на русский язык многие передовые статьи из газеты «Кийр». В результате «Кийр» был признан большевистским органом.

Весной 1914 года в Ревеле состоялась конференция, которая была названа совещанием рабочих с.-д (большевиков) группы Эстонского края. Большую работу по подготовке этого совещания провел тов. Кингисепп. В частности на нем лежала связь между большевиками Эстонии и Русским бюро ЦК РСДРП(б).

На совещании были представители ревельских заводов и городов Нарвы, Юрьева, Пернова, Гельсингфорса и Петербурга. В нем принимал участие представитель Русского бюро ЦК РСДРП(б).

15 июня 1914 года недалеко от города Нарвы была проведена партийная большевистская конференция организации Эстонского края, на которой участвовали делегаты от Ревеля, Нарвы и Петербурга. Конференция заслушала отчеты делегатов, вопросы о рабочей печати, о текущем моменте и о созыве партийного съезда. Ею был избран ЦК Эстонского края.

Кингисепп, поглощенный большой партийной работой, не оставлял надежд вернуться в университет. Еще осенью 1911 года ему удалось поступить на юридический факультет Петербургского университета. Занятия в университете шли успешно: по полити-

ческой экономики, энциклопедий права, истории философии и права, статистике и другим предметам неизменно отметкой у него было «весьма хорошо».

О том, в каких условиях Кингисеппу приходилось заниматься в университете, показывает следующий эпизод: весной 1914 года Кингисепп подготовился к двум экзаменам и собирался их сдать, как вдруг ему сообщили, что полиция, пронюхав о его подпольной работе, собирается его арестовать и выслать. Недолго думая Кингисепп сел на поезд и уехал в Финляндию, однако уже через несколько дней близко знавшие Кингисеппа студенты увидели его снова в стенах университета. Кингисепп сумел так изменить свою внешность, что даже люди, встречавшиеся с ним каждый день, не могли узнать его до тех пор, пока он сам не назвал себя.

Забегая несколько вперед, приведем факт, который свидетельствует о необыкновенных способностях Кингисеппа. В начале 1916 года он проживал в Казани, куда был выслан. Стремясь восстановить революционные связи и для этого приехать в Петербург, — он подал министру народного просвещения прошение, в котором доказывал, что он вполне подготовился к экзаменам и не хочет медлить с их сдачей. На самом же деле Кингисепп не успел многое даже просмотреть. Совершенно неожиданно просьба Кингисеппа была удовлетворена. Он едет в Петербург и решает сдавать экзамены. Разработав план работы на время государственных экзаменов и строго его придерживаясь, Виктор Эдуардович занимался непрерывно дни и ночи и, к удивлению своих знакомых, успешно, с прекрасными оценками, сдавал экзамены. Для подготовки к последнему экзамену ему был дан суточный срок. И без того подорванный организм Кингисеппа не выдержал и он заболел — университетский диплом получить не удалось...

Кингисепп объединяет вокруг себя наиболее передовую студенческую молодежь, привлекает ее для революционной работы среди питерских рабочих, он восстанавливает свои связи с подпольщиками, принимает участие в большевистской печати. Это замечено полицией.

3 мая 1914 года ректор университета получил от Управляющего Петербургским учебным округом следующее предписание:

«По рассмотрению Особым совещанием, образованным согласно

статьи 34 положения о государственной охране, обстоятельства дела о состоящем в числе студентов императорского С.-Петербургского Университета крестьянине Лифляндской губернии Викторе Кингисепе, избличенном в принадлежности к Ревельской организации Российской социал-демократической рабочей партии и в агитации среди фабричных рабочих, г. министр внутренних дел постановил подчинить названного Кингисепа гласному надзору полиции в избранном им самим месте жительства, кроме Эстляндской, Лифляндской, Псковской и столичных губерний, на два года, считая с 3 января сего года.

В заключение своего требования Управляющий округом предложил ректору Петербургского университета «Применить к Кингисеппу соответствующую статью правил 14 мая 1882 года».

Кингисепп был выслан в Тверь, а затем в Казань, но и там Виктор Эдуардович не прекращал революционной деятельности.

В годы ссылки Виктор Эдуардович усиленно изучает марксизм, штудировал труды Маркса, Энгельса и Ленина. Кингисепп обладал глубокими знаниями революционной теории, был широкообразованным марксистом-ленинцем.

В январе 1916 года кончается срок ссылки. Кингисепп возвращается в Петербург и сдает государственные экзамены в университете. Летом того же года он был отправлен на Закавказский фронт.

Во время первой мировой войны Кингисепп занимал ленинскую позицию.

В начале 1917 года Кингисепп находился на Закавказском фронте. Здесь его и застала февральская революция. Партия большевиков посылает его на работу в родную Эстонию.

4.

Какую обстановку застает Виктор Кингисепп в Эстонии, куда он прибывает весной 1917 года?

Повсюду большой революционный подъем. Чернеют опаленные огнем руины «башни Маргариты», напоминая о февральских событиях, когда восставший народ предал огню страшный политический застенок, символизировавший царский строй.

В Таллине, Тарту и других городах Эстляндии и северной Лифляндии заседали Советы рабочих и воинских депутатов. Свободно издавались рабочие газеты. Вновь после трехлетнего перерыва вышла газета «Кийр». В центре Таллина на Суур Карья был Дом рабочих, где разместились профсоюзные комитеты, редакции большевистских газет. Здесь почти непрерывно шли митинги, собрания.

Все это так было непохоже на то, что оставил в Эстонии Кингисепп несколько лет назад. Тогда тяжелые цепи царского гнета сковывали всякую общественную жизнь. Кингисепп радовался, глядя, как пробудился родной народ, как он смело и энергично взялся за решение своей судьбы.

Однако, Кингисеппа не могли обмануть те свободы, которые народ обрел в результате свержения царизма. Последовательный ленинец, стойкий большевик, он полностью отдавал себе отчет в том, что до полной победы революции еще далеко, что пока власть находится в руках буржуазного временного правительства, а в Советах хозяйничают соглашатели — меньшевики и эсеры, на-

роду не получить ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам.

Кингисепп видел, что ошьяненные первыми успехами революции, успокоенные радужными заверениями меньшевиков и эсеров, народные массы еще доверяют Временному правительству. Надо, учили Ленин и Сталин, помочь народным массам освободиться от доверчивого отношения к политике Временного правительства, разоблачить перед трудящимися буржуазное нутро соглашателей — меньшевиков и эсеров.

Обстановка в Эстонии осложнялась еще и большой активностью национальной буржуазии. Она сумела своей националистической пропагандой увлечь за собой отсталую часть трудящихся. Февральскую революцию национальная буржуазия стремилась использовать для того, чтобы взять власть в свои руки.

Надо было, как учили Ленин и Сталин, подорвать позиции национальной буржуазии, разоблачить ее в глазах масс, убедить массы, что она, национальная буржуазия, стремится не к освобождению эстонского народа от национального гнета, а, как писал товарищ Сталин, — «к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов».

Нужно было обладать марксистской подготовкой Кингисеппа, его революционным опытом, его пониманием ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, чтобы быстро разобраться в сложной обстановке, сложившейся после февраля в Эстонии и повести большевистскую организацию по правильному пути.

Кингисепп отчетливо представлял себе условия, которые благоприятствовали быстрейшей большевизации масс Эстонии, но он видел и те трудности, которые накладывали свой отпечаток на весь процесс развития революции в Прибалтике.

Благоприятными условиями были наличие многочисленного, прошедшего школу двух революций рабочего класса, сложившийся в революционной борьбе боевой союз эстонских рабочих с солдатами и моряками, близость Петрограда, революционное дыхание которого ощущалось здесь так явственно. Революционизирование масс ускорялось близостью фронта, народ испытывал тяжелейшие бедствия войны. Рассеять иллюзии относительно Временного пра-

вительства помогало то обстоятельство, что оно полностью сохранило режим национального угнетения, который был так ненавистен эстонскому народу. Засилье немцев в эстонской деревне, где они были настоящими и полновластными господами, продолжалось.

Кингисепп отдавал себе отчет в трудностях, замедлявших революционизирование масс. Еще были сильны позиции в рабочем классе соглашателей — меньшевиков и эсеров. Тлетворное влияние буржуазных националистов разжигало национальную вражду, сеяло в эстонском народе недоверие к русским трудящимся. Это было чреватو большими опасностями.

Кингисепп непоколебимо верил в победу социалистической революции. Он видел тут путь, которым должен идти эстонский рабочий класс к победе социализма. Этот путь освещали ему гениальные «Апрельские тезисы» Ленина и решения Апрельской конференции большевиков и в особенности решения по докладу товарища Сталина по национальному вопросу.

Эстонские большевики боролись за осуществление лозунга «самоопределение народов» в интересах трудящихся, а интересы трудящихся диктовали совместную борьбу в одних рядах с российским трудовым народом, жизнь в одной свободной семье народов, совместную борьбу за социализм. Будущее трудящихся Эстонии решалось в общей борьбе российского пролетариата и крестьянства против капиталистов и помещиков. Эстонские большевики говорили народу, что только социалистическая революция воплотит в жизнь вековые чаяния о национальной свободе. Только социалистическая революция принесет эстонскому народу национальную государственность.

Такова была обстановка в Эстонии после февральской революции.

Вернувшись в Эстонию, Кингисепп некоторое время работал в Нарве, а вскоре прибыл в Таллин. Началась кипучая деятельность по укреплению большевистских организаций. Жизнь в них была ключом.

По средам в Доме рабочих созывались собрания Ревельской парторганизации. Еженедельно Ревельский комитет большевиков устраивал публичные собрания, на которых разъяснял народу большевистские идеи. В мае в Таллине организуются двухнедель-

ные курсы агитаторов. Кингисепп читает на этих курсах лекции. В конце мая стала выходить большевистская газета на русском языке «Утро Правды», название которой, как объясняла редакция, «взято в признание тесной идейной связи с центральным партийным органом «Правда».

Таллиннская организация большевиков быстро росла. В июне 1917 года она насчитывала 2123 члена, среди них было много моряков Таллиннской базы Балтийского флота.

Большевики под руководством Кингисеппа развернули энергичную деятельность по завоеванию трудящихся масс. В борьбе против соглашателей — эсеров и меньшевиков, а также буржуазных националистов большую роль сыграла большевистская газета «Кийр», пользовавшаяся огромной популярностью среди эстонских рабочих. Газетой «Кийр» руководил Кингисепп. На страницах газеты он терпеливо разъясняет большевистскую политику, разоблачает соглашательство меньшевиков и эсеров, проводит линию большевистской партии на изоляцию меньшевиков и эсеров от масс, на завоевание большинства в Советах.

Работа большевиков дала свои результаты. 8 июня в Ревельском Совете 130-ью голосами против 19 была принята большевистская резолюция об устранении от должности представителя Временного правительства губернского комиссара Поска и о передаче управления губернией Исполнительному комитету Советов. Три дня спустя рабочие многолюдной демонстрацией выразили свою поддержку решению Совета. Правда, Ревельский Совет вскоре качнулся в сторону буржуазии и отменил свое решение, но сам факт выступления Совета под давлением революционных масс против Временного правительства был знаменательным и свидетельствовал о росте большевистского влияния.

18 июня под руководством Кингисеппа в Ревельской большевистской организации в Таллине состоялась мощная демонстрация трудящихся. «Утро Правды», подводя итоги демонстрации, писала: «Мы довольны этим днем: подсчет наших сил показал, что подавляющее большинство участников демонстрации идет за нами.» Демонстрация показала нарастающую революционность масс и возрастающее доверие их к большевистской партии. Одновременно демонстрация показала, как сильно за это время упал престиж в массах эсеров и меньшевиков.

Ревельский комитет большевиков, возглавляемый Кингисепном еще в июне предупреждал рабочих, что реакция поднимает голову. Сообщая о том, что 2 июня реакционеры разорвали знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Утро Правды» пишет: «Это уже пошла контрреволюция, чтобы задавить то, что нужно рабочим, крестьянству и прочей трудящейся бедноте» («Утро Правды» № 6).

В начале июля Временное правительство организовало в Петрограде расстрел революционной демонстрации. Буржуазия начала наступление на рабочий класс. Июльские дни и в Эстонии ознаменовались разгромом рабочих организаций. Были закрыты газеты «Кийр», «Утро Правды». Ряд видных большевиков был схвачен и заключен в тюрьму.

В этот переломный момент Кингисепи оказался на высоте положения. Он правильно оценил значение июльских событий и полностью принял новую тактику, предложенную Лениным, которая исходила из того, что мирный период революции закончился и надо готовиться к восстанию, чтобы силой оружия свергнуть буржуазию и установить советскую власть.

В тяжелых условиях преследований, Кингисепи проводит в жизнь решения VI съезда партии, готовит пролетариат и беднейшее крестьянство к социалистической революции. Вместо «Кийра» была поставлена новая газета «Тээлине». Вскоре на русском языке стала выходить газета «Звезда». Шло быстрое революционирование масс. Каждый день газеты сообщали о стачках, митингах, демонстрациях. Большевицкое влияние все больше ощущалось и в деревне. Большевики выпускали для крестьян специальную газету «Безземельный». В августе под руководством большевиков проходила конференция безземельных крестьян, на которой было представлено 40 тысяч батраков, безземельных и малоземельных крестьян Эстляндии.

Для роста влияния большевистской партии в Эстляндии чрезвычайно показательны выборы в городские думы, которые проходили в августе 1917 года. Большевики выставили лозунг «Город в руки народа!». В Таллине большевики получили треть всех голосов в центре города и до 50 процентов — на окраинах. В Нарве за большевиков было подано 74 процента всех голосов.

К сентябрю большевизируется основная часть Советов Эстонии. Парвский Совет с первых же дней своей организации был прочно завоеван большевиками. В сентябре в Таллинском Совете рабочих и солдатских депутатов большинство шло уже за большевиками. Советы Таллина и Тарту выдвинули своим боевым лозунгом «Вся власть Советам!»

По инициативе Кингисепна и под его личным руководством начали создаваться отряды Красной Гвардии. Отряды создавались на базе одного крупного завода, а к нему уже примыкали более мелкие предприятия. Каждый отряд имел от Кингисепна задание — наблюдать за складами, мостами, правительственными учреждениями и подготовить быстрый захват их.

Тяга рабочих в Красную Гвардию была велика. По вечерам в Доме рабочих около столиков, где велась запись, всегда стояла очередь желающих вступить в отряды. Оружие выдавалось тут же на руки. Красногвардейцы в пригородных лесах тренировались в стрельбе.

Подготовка к октябрьским боям в Эстонии была неразрывно связана с ходом революционирования солдат и матросов.

Кингисепн отдавал много времени работе в воинских частях и на флоте. Его одинаково знали и любили на кораблях и на заводах. Когда контрреволюционные офицеры попытались вне Таллина арестовать Кингисепна, то из города немедленно выехал отряд моряков и освободил вождя эстонских трудящихся.

В этот период Кингисепн вырастает в подлинного вождя революционных масс. Его имя становится символом борьбы за советскую власть, символом твердости, стойкости, большевистской принципиальности. Он был руководителем трехтысячной большевистской организации города, стоял во главе большевистской фракции в Исполкоме Советов Эстонии.

Как оратор, Кингисепн не знает себе равных в Эстонии. Когда на трибуне появлялась его худощавая, порывистая фигура, все мигом смолкало вокруг, люди боялись проронить хотя бы одно слово из его речи. Впалые щеки, глубоко запавшие глаза, усы, маленькая бородка — таким его помнят тысячи рабочих и моряков. Одетый просто — шинель, френч, высокие сапоги, фуражка военного образца — он и внешним обликом был близок народу. Его авторитет был непререкаемым. Достаточно было сказать: это

распоряжение Кингисеппа, — чтобы рабочие, моряки, солдаты немедленно и горячо его выполняли.

• Подготовка штурма шла по всей России. Повсюду борьбой за установление советской власти руководила большевистская партия. Ленин в своих директивных письмах призывал партию к восстанию. Центральный Комитет партии 15 сентября обсудил письма Ленина и решил мобилизовать все силы партии для организации успешного восстания.

11 октября в Смольном в Петрограде открылся съезд Советов Северной области, который должен был ускорить агитационную и организационную подготовку вооруженного восстания. Из Эстонии прибыли делегаты Таллина, Нарвы и Тарту. Делегатом Таллина был большевик Василий Иванович Рябчинский, соратник Кингисеппа. Он выступал на съезде и от имени эстонских большевиков заявил, что в Таллине царит боевое настроение, что рабочие и солдаты рвутся в бой за власть Советов.

После съезда Рябчинский вернулся в Таллин и познакомил Кингисеппа с письмом Ленина, с которым вожьд большевистской партии обратился «к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов». В этом письме Ленин набросал план восстания. Таллину Владимир Ильич отводил в этом плане большую роль.

«Дело, — писал Владимир Ильич, — в восстании, которое может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее» (Собр. соч. том XXI, стр. 325).

Большевики Эстонии и в первую очередь их руководитель Виктор Кингисепп отдавали себе отчет в том, какое серьезное значение имела победа восстания в Таллине и вообще в Эстонии для исхода борьбы в Петрограде, так как она обеспечивала тыл революции с запада.

После съезда Советов Северной области подготовка к восстанию в Таллине, Нарве, Тарту и других городах Эстонии и северной Лифляндии усиливается. 13 октября (26 октября по новому стилю) в Таллине открывается Второй съезд Советов рабочих и воинских депутатов Эстляндского края. Кингисепп принимает самое дея-

тельное участие в работе съезда. Он сделал на съезде три доклада и кроме того несколько раз выступал с речами. Особенно важно было выступление Кингисеппа на четвертом заседании 14 октября по вопросу о войне и мире. Кингисепп заявил, что для спасения революции нужна твердая революционная власть, которая предложила бы справедливый мир всем народам. Резолюция, предложенная Кингисеппом, была принята съездом.

Кингисепп развернул на съезде план организации края, предложил создать Советы снизу доверху. Он отстаивал предложение послать для организации в деревню как можно больше живых сил. Другие выступления Кингисеппа были посвящены Учредительному собранию, выборам на второй съезд Советов в Петрограде, перевыборам Исполнительного комитета Совета рабочих и военных депутатов Эстляндского края.

Съезд Советов Эстляндии способствовал усилению подготовки к восстанию, был смотром сил надвигающегося восстания.

22 октября (4 ноября) 1917 года на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов Эстонии и Таллинского Совета был избран Военно-Революционный комитет в составе 40 человек, который взял под свой контроль стратегически важные пункты в городе и в районе крепости. Руководил Военно-Революционным комитетом Виктор Кингисепп.

24 октября ночью началось восстание петроградских рабочих и солдат против Временного правительства. Восстанием руководили Ленин и Сталин. К утру 25 октября (7 ноября) все главные пункты столицы были в руках восставших. В 10 часов утра Военно-Революционный комитет возвестил народу, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки Военно-Революционного комитета — органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Захват власти в Таллине обошелся без кровопролития, так как перевес на стороне восставших был явный. По приказу Кингисеппа, все основные пункты города были заняты отрядами Красной Гвардии. 26 октября в 2 часа дня Военно-Революционный комитет Исполкома Советов Эстляндии обратился к населению с воззванием: «Товарищи! Величайшая революция совершилась. Все мы должны встать непоколебимой стеной на защиту и поддержку власти революционных Советов. Будьте бдительны,

товарищи солдаты, матросы и рабочие... Военно-Революционный комитет Исполкома Советов взял всю власть в Эстляндии в свои руки.

На местах власть принадлежит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как полномочным органам власти...

При Военно-Революционном комитете создан Революционный трибунал, который будет вершить суд над всеми, кто обвиняется в контрреволюции.

Да здравствует революция!

Да здравствует народная власть!»

Военно-Революционный комитет в тот же день назначил своих комиссаров в Морскую гавань, в штаб сухопутных войск, в береговую оборону, в артиллерию, в Военную гавань и крепость. Было объявлено, что без подписи комиссара ни один приказ не является действительным.

Военно-Революционный комитет действовал быстро и энергично. Вечером он издал постановление, запрещающее вывозить продукты из Эстляндии, чтобы помешать немецким помещикам, ставленникам Временного правительства, спекулянтам организовать голод.

Немедленно были отстранены от должности губернские и окружные комиссары, являвшиеся, как гласит приказ Военно-Революционного комитета, — представителями свергнутого Временного правительства. Приведение в исполнение этого решения в Таллине брал на себя сам Военно-Революционный комитет, а в других городах это было возложено на исполкомы местных Советов.

В течение нескольких дней власть по всей Эстляндии перешла в руки революционного народа. Нигде буржуазия не могла оказать серьезного сопротивления. Попытки сопротивления были подавлены твердой рукой Кингисеппа. В Вильянди «серые бароны» создали кавалерийский полк и намеревались помешать революции. Кингисепп посылает из Таллина в Вильянди революционного комиссара с вооруженным отрядом, который разогнал кулацких сынков и помог установить в Вильянди советскую власть. Когда в Хапсалу полковник Тыниссон оказал сопротивление представителям советской власти, Кингисепп отдал приказ об его аресте. Во главе эшелона красногвардейцев он выезжал в Тарту для подав-

ления контрреволюционного мятежа. Подпись Кингисеппа мы видим на постановлении о создании Революционного трибунала. По приказу Кингисеппа рабочим выдается оружие, распускается «омакайтсе» — вооруженная буржуазная организация.

По предложению Кингисеппа 12 ноября Исполком Советов Эстляндии постановил распустить временный сейм Эстляндской губернии, который еще заседал на Томпеа и вынашивал планы борьбы против революции. Сейм, ставший центром контрреволюции, оплотом всех черных сил, отказался подчиниться решению Совета и 15 ноября собрался на заседание.

Весть об этом мигом облетела фабрики и заводы и повсюду состоялись бурные митинги. В тот же день 15 ноября Кингисепп выступает на заседании Военно-Революционного комитета и предлагает исполнить волю трудящихся — разогнать сейм.

Во второй половине дня в Таллине по призыву Совета состоялась грандиозная демонстрация трудящихся. Перед демонстрантами на площади около здания сейма с горячей речью выступил Кингисепп. Он раскрыл подлинное обличье сейма, который «именем народа» защищал интересы богачей.

Рабочие силой разогнали сейм. Через несколько дней Исполком Советов Эстляндии принял постановление о закрытии Эстонского земского управления. Провел в жизнь это решение сам Кингисепп. Он явился к председателю управления Пятсу и предложил немедленно передать представителям Совета все дела. Пятс отказался. Тогда Кингисепп вызвал красногвардейцев и Земское управление было занято ими. В тот же день 19 ноября Кингисепп на собрании служащих управления, которые склонялись к тому, чтобы саботировать новую власть, твердо заявил, что все, кто вздумает заниматься саботажем, будут немедленно уволены. Служащие решили работать.

22 ноября 1917 года на заседании Исполкома Советов Эстляндии на Томпеа был принят проект организации работы в бывшем Земском управлении и назначены руководители отделов. Во главе отдела питания был поставлен Виктор Кингисепп.

Советы стали быстро налаживать новую жизнь. Для борьбы с сопротивлением капиталистов на заводах и фабриках был введен рабочий контроль. Эстония покрывается новыми органами власти — мызными, волостными и уездными Советами. Вводится совет-

ский суд, судопроизводство устанавливается на эстонском языке. Были ликвидированы остатки сословного строя. Школы были переведены на родной язык, повышена зарплата учителям. Советская власть передает лучшие здания рабочим, создается народная милиция. Военно-Революционный комитет организует снабжение трудящихся продуктами питания. Кингисепп лично занимался продовольственным делом. По его приказу был реквизирован весь продовольственный груз парохода, который отправлялся в иностранный порт. 6 декабря он проводит в исполкоме Советов постановление, которое предлагает волостным Советам взять на учет все зерно в усадьбах.

Вся земля помещиков, их усадьбы были объявлены собственностью народа и по решению Эстонского Совета переходили в ведение волостных Советов. Надо было это постановление советской власти провести в жизнь — выгнать помещиков из их ослиных гнезд, взять на учет все их добро.

Кингисепп из Таллина посылал в деревню отряды рабочих с заданием помочь крестьянам взять в свои руки помещичью землю. Рабочий Оскар Пейкель рассказывает, что в начале ноября 1917 года его и еще пятерых красногвардейцев вызвал к себе Кингисепп, который сказал:

— Завтра выезжайте в деревню. Надо помочь крестьянам ликвидировать помещиков. Имения, которые еще не отобраны, отбирайте немедленно, передавайте их Советам безземельных. Где нет Советов — организуйте.

Отряд тов. Пейкеля помог передать крестьянам 30 помещичьих имений.

Кингисепп неустанно требовал как можно быстрее покончить с помещиками. На конференции безземельных и малоземельных крестьян Эстляндии, которая состоялась 3—4 декабря на Томпеа, он говорил:

— Нужно отбирать у помещиков землю. Кто медлит с этим — тот враг народа, так как поддерживает контрреволюцию.

Несмотря на разруху, вызванную войной, на отдельные ошибки, допускаемые Эстляндским Советом, советская жизнь налаживалась. Трудящиеся с надеждой и верой смотрели в будущее, они энергично строили свое Советское эстонское государство.

В разгар строительства новой жизни в Эстонию ворвались

войска немецких империалистов и смяли, растоптали молодые побег советского строя.

Оккупация советской Эстонии немецким империализмом началась 20 февраля 1918 года. Трудящиеся Эстонии встали на защиту своей земли. Организаторами отпора немецким захватчикам были эстонские большевики. Как только в Таллине узнали о вступлении немцев в Эстонию, в Народном доме собрались большевики и красногвардейцы города.

Зал был переполнен. Все находились под впечатлением грозного известия. Выступал Кингисепп. Немцы уже в Эстонии, — сказал он, — надо организовать отпор, немедленно, сейчас же. Решается судьба революции, судьба трудового народа. Все большевики, все рабочие — под ружье!

Кингисепп организует новые и новые отряды Красной Гвардии и направляет их в район станции Кейла, где проходили старые, построенные еще при царе, укрепления. 22 февраля, через сутки после того, как Ленин призвал весь советский народ к отпору немецким империалистам, начался бой у станции Кейла.

Против отрядов Красной Гвардии дрались регулярные, вооруженные до зубов немецкие войска. Немцы прорвали оборону и покатились к Таллину. В ночь на 24 февраля Исполком Советов Эстляндии принял решение эвакуироваться. Вместе с рабочими, красногвардейцами, Кингисепп садится в порту на корабль. Ледокол «Ермак» пробивает во льду дорогу, и корабль уходит в Гельсингфорс.

Отсюда Виктор Кингисепп выезжает в Москву. Начинается новая страница в истории борьбы эстонского рабочего класса, новая страница в биографии Виктора Кингисеппа.

Кингисепи поспеваает к началу IV Всероссийского съезда Советов, который открылся 14 марта в Москве, и принял в нем участие, как делегат эстонских трудящихся.

Еще в Эстонии Кингисепи стало известно, что наступление германских войск началось после отказа председателя советской делегации в Бресте Троцкого, вопреки прямым директивам большевистской партии, подписать мир на предложенных Германией условиях. Но всю чудовищность предательства Троцкого, жертвой которого шали Украина, Финляндия, Прибалтика, в том числе и Эстония, Кингисепи понял только теперь.

Он слушал доклад Ленина о ратификации мирного договора и в памяти вставали недавние события. На Брест-Литовской конференции, где шли переговоры с Германией об окончании войны, выяснилось, что немецкие хищники хотят завладеть огромной территорией бывшей Российской империи, стремятся превратить Польшу, Украину и Прибалтийские страны в зависимые от Германии государства. Советская Россия была крайне слаба, воевать было нечем, и, скрепя сердце, Ленин и Сталин соглашались на условия немцев. Только такой тяжелой жертвой можно было получить передышку, так нужную для того, чтобы укрепить советскую власть и создать сильную Красную Армию.

Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий, возглавлявший советскую делегацию в Бресте, предательски нарушил прямые директивы ЦК

и советского правительства. Большого и не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов Советской страны.

Немцы прервали переговоры и 18 февраля 1918 года перешли в наступление. Немцы быстро продвигались, они захватили огромные территории на Украине и в Прибалтике, захватили Эстонию и угрожали Петрограду. Германский империализм задался целью свергнуть советскую власть и превратить нашу страну в свою колонию. Остатки старой армии не могли бороться против вооруженных полчищ германского империализма и судьба нашей родины повисла на волоске.

«Еще 18 февраля 1918 года ЦК партии принято было предложение Ленина послать телеграмму германскому правительству о немедленном заключении мира. Чтобы обеспечить себе более выгодные условия мира, немцы продолжали наступление, и лишь 22 февраля германское правительство выразило согласие подписать мир, причем условия мира были гораздо тяжелее первоначальных.

... 23 февраля ЦК постановил принять условия немецкого командования и подписать мирный договор. Предательство Троцкого и Бухарина дорого обошлось Советской республике. Латвия, Эстония, не говоря уже о Польше, отходили к Германии. Украина отделялась от Советской республики и превращалась в вассальное (зависимое) немецкое государство. Советская республика обязалась платить немцам контрибуцию» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 207—208).

VII съезд партии, который открылся 6 марта 1918 года, подтвердил правильность ленинской позиции в вопросе о Брестском мире. Для ратификации мирного договора был созван IV Всероссийский съезд Советов.

Ленин страстно и убедительно отстаивал необходимость ратифицировать этот тяжелый мир.

— Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит советскую власть.

Суровая правда ленинских слов была близка Кингисеппу. Он преникся сознанием, что только политика Ленина—Сталина, большевистской партии спасет советскую власть.

Ленин в эти дни борьбы за мир говорил, что «Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию — революция не поте-

рына». Как ни тяжело было постичь ту страшную и печальную мысль, что родная Эстония стала жертвой германского империализма, но Кингисепп был твердо уверен, что советская Россия, окрепнув, налившись новыми силами, вырвет братские народы из когтей империализма. Кингисепп повторял слова Ленина: «А все же история возьмет свое».

Так оно и случилось. Вскоре советская власть получила возможность аннулировать грабительский Брестский мир, прекратить платежи по контрибуции и повести открытую борьбу, военную и политическую, за освобождение Эстонии, Латвии, Белоруссии, Литвы, Украины, Закавказья от гнета германского империализма.

После съезда, на котором Кингисепп был избран членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, он остается в Москве. Вначале он работает следователем Верховного трибунала, а затем во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Он выполняет ответственнейшие поручения. Когда в июле 1918 года «левые эсеры» организовали в Москве мятеж и, с целью спровоцировать войну с Германией, убили германского посла в Москве Мирбаха, Совет Народных Комиссаров назначил Кингисеппа членом правительственной комиссии по расследованию контрреволюционного выступления.

Он отдает много сил работе среди эстонских трудящихся, которые покинули Эстонию после немецкого нашествия. Кингисепп принимает участие в работе Эстонского отдела Народного комиссариата по делам национальностей, возглавляемого товарищем Сталиным. Эстонский отдел вел кипучую деятельность. Он создал эстонские коммунистические полки, которые сражались на фронтах гражданской войны. Первый Ревельский полк сражался против белых на Урале. Уральский комитет партии большевиков за мужество и отвагу вручил этому полку почетное Красное знамя. В Перми для эстонских воинов издавалась газета «Урали Киёр». В Петрограде выходила ежедневная газета «Тээлине». В большом количестве издавалась эстонская литература, готовились кадры работников для Эстонии.

Газета «Жизнь национальностей» — орган Народного комиссариата по делам национальностей — уделяла большое внимание работе Эстонского отдела, жизни эвакуированных эстонцев, а также положению в самой Эстонии. Так, 9 ноября 1918 года «Жизнь

национальностей» сообщает о конференции коммунистических организаций оккупированных областей, в которой приняли также участие представители эстонских коммунистов. В том же номере сообщается, что издательский отдел Эстонского отдела Наркомата по делам национальностей выпустил брошюру Виктора Кингисеппа «Кому независимость, кому рабство». Сообщается о созыве конгресса эстонских пролетариев в Петрограде, о съезде эстонских учителей, о том, что 7 ноября в Москве на эстонском вечере с докладом, посвященным Октябрьской революции, выступил В. Кингисепп.

События в Эстонии, между тем, требовали возвращения Кингисеппа в Таллин. В ноябре он нелегально прибывает в Эстонию и начинается полная опасности подпольная работа.

Что произошло в Эстонии за те восемь месяцев, в течение которых не был здесь Кингисепп?

Как только 24 февраля 1918 года из Таллина эвакуировался под натиском немецких войск Исполком Советов Эстляндии, деятели эстонской буржуазии поспешили на Томпеа и провозгласили «независимую республику». Но к обеду 25 февраля в Таллин вступили немецкие войска и они немедленно разогнали эстонское буржуазное «правительство».

В Эстонии воцарился средневековый режим германского милитаризма. Было убито много сотен ни в чем неповинных людей. Немцы открыто грабили Эстонию, вывозили отсюда сельскохозяйственные продукты, запасы промышленного сырья, оборудование фабрик и заводов.

«Немецкая оккупация рассеяла весь фабричный пролетариат Эстонии, — писал Виктор Кингисепп в своей книге «Под игом независимости». — Число рабочих уменьшилось на 71,5 процента. Эта катастрофа сильнее всего отразилась на крупных предприятиях и как раз на тех отраслях промышленности, рабочие которых всегда играли ведущую роль в классовой борьбе эстонского трудового народа. В металлообрабатывающей промышленности число рабочих снизилось на 90,1 процента, в деревообделочной промышленности — на 71,4 процента.

Самые тяжелые удары пали на рабочих Таллина. Вместо 40—50 тысяч фабричных рабочих до оккупаций, в ноябре 1918 года в Таллине и его окрестностях было едва 4—5 тысяч рабо-

чих. Девять десятых рабочих Таллина и более чем три четверти всего фабричного пролетариата Эстонии были разогнаны в результате немецкой оккупации».

Несмотря на то, что рабочий класс Эстонии поредел, рассеялся по всей стране, он вел борьбу против немцев. Руководила этой борьбой большевистская партия. Она ушла в глубокое подполье, но ее организации сохранились или были восстановлены во всех городах и местечках. Под руководством большевиков Таллина в июне была проведена политическая забастовка наборщиков, в сентябре состоялась всеобщая забастовка, в октябре на предприятиях начались выборы в Таллинский Совет.

Кингисепи вернулся в Эстонию в переломный момент. В первой половине ноября в Германии произошла революция и германская армия капитулировала перед своими противниками. Оккупационные войска должны были вскоре покинуть Эстонию, и чтобы предупредить переход власти в руки трудового народа, немецкий генерал Зеккендорф восстанавливает им же разогнанное в феврале буржуазное правительство Эстонии. 11 ноября, по соглашению с генералом Зеккендорфом, это правительство, опиравшееся не на эстонский народ, а на немецкие штыки, возобновило свою деятельность.

Рабочий класс под руководством большевистской организации, во главе которой стоял Кингисепи, повел энергичную и смелую борьбу против правительства буржуазных националистов и еще оставшихся в Эстонии немецких войск. По стране прокатились мощные забастовки.

12 ноября таллинские рабочие устроили демонстрацию под лозунгом «Долой буржуазное правительство!» Демонстрация была обстреляна из винтовок и пулеметов. Безоружные рабочие набросились на стрелявших — немецких солдат и эстонских офицеров — произошла кровавая стычка. Кингисепи, оценивая демонстрацию 12 ноября, писал в книге «Под игом независимости», что этот день «является историческим доказательством того, что рабочий класс стоял у колыбели буржуазного государства в качестве его непримиримого врага».

Обстановка все более накалялась. На массовых митингах рабочие принимали резолюции, в которых провозглашали — да здравствуют Советы трудового народа Эстонии! Забастовки следо-

вали одна за другой. 20 ноября, в день открытия буржуазного сейма, стояли почти все предприятия Таллина.

Эстонская буржуазия чувствовала приближение своего смертного часа. Одной ей было не под силу задушить революционное движение в стране. На немецкие штыки надеяться больше не приходилось. Представитель эстонской буржуазии Поска едет в Англию и просит помощи. Англия обещала помочь с тем условием, чтобы Эстляндия отдала ей в распоряжение на 10 лет все свои леса и гавани и в течение того же срока продавала бы только Англии все добываемое в Эстонии льняное семя. Буржуазные эстонские дельцы были готовы на все. «Патентованные патриоты своей страны, сторонники «самостоятельности», они были готовы отдать Эстонию кому угодно, только не трудовому народу», — изобличал предателей народа Виктор Кингисепп.

Английские военные корабли готовились к отплытию в Эстонию. С помощью англичан буржуазия надеялась задушить революцию в стране.

Еще не успел эстонский народ очнуться от ужасов немецкой оккупации, а буржуазия уже открывала двери другим захватчикам. Надо было спешить, до прихода англичан сбросить продавшуюся иностранному капиталу буржуазную клику и поднять над Эстонией знамя Советов.

На помощь эстонскому пролетариату двинулись из России эстонские полки, созданные из бежавших от немецкой оккупации эстонских рабочих и крестьян. 22 ноября 1918 года под Нарвой прозвучали первые залпы, а спустя несколько дней город был занят эстонской Красной Армией. 29 ноября здесь было образовано советское правительство Эстляндии.

Эстонская Красная Армия стала быстро продвигаться вперед по направлению к Таллину. В декабре 1918 года она с боями заняла города Раквере, Выру, Тарту, Тапа (Талс). Передовой батальон дошел почти до Кехра.

В беседе с эстонской делегацией И. В. Сталин, который тогда был народным комиссаром по делам национальностей, заявил:

«В настоящее время передвижение эстонской Красной Армии происходит очень успешно. По пути следования к Красной Армии примыкают сотнями добровольцы, увеличивая ее состав ежедневно. Порядок в армии образцовый — хулиганского элемента не наблю-

дается. Строгая дисциплина и полный порядок. Во всех очищаемых от белогвардейцев районах восстанавливается советская власть. Все учреждения, фабрики, заводы пущены в ход.

Народные банки функционируют и заметно очень оживленное поступление вкладов со стороны населения.

Образовываются комитеты бедноты . . .

. . . Характерно одно отрадное явление. Во всех безусловно учреждениях, государственных и общественных, слышен эстонский язык, то, чего никогда не бывало.

Видно, что советская власть, введя обязательность родного языка в делопроизводство, стала близкой и родной для эстонских масс» (Документы по истории гражданской войны, том I, стр. 454).

Ленин и Сталин с огромным сочувствием следили за героической борьбой эстонской Красной Армии и оказывали ей всемерную помощь. Российское советское правительство оказывало Эстонской трудовой коммуне неоценимую политическую и материальную помощь.

Декретом от 22 декабря 1918 года правительство РСФСР признало правительство советской Эстонии. Вот этот исторический декрет, подписанный великим Лениным:

«Декрет о признании независимости Эстляндской советской республики

В ответ на запрос Эстляндского советского правительства Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское советское правительство признает независимость Эстляндской советской республики, высшей властью Эстляндии Российское советское правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов — власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии . . .

2. Российское советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Эстляндией военным и гражданским властям Российской советской республики оказать Эстляндскому советскому правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Эстляндии от ига буржуазии.

3. Народному комиссариату финансов поручается отпустить 10 миллионов рублей в заем Народному банку Эстляндской советской республики.

4. Народному комиссариату продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Эстляндской советской республики на предмет установления товарообмена между обоими республиками.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

(Декрет перепечатывается из газеты «Жизнь национальностей» № 6, 15 декабря 1918 г.).

Товарищ Сталин в статье «Дела идут», помещенной в газете «Жизнь национальностей» от 22 декабря 1918 года с радостью писал:

«Процесс освобождения западных областей идет. Волна революции продолжает нарастать, ломая на своем пути все преграды. Агенты старого мира и мракобесы Эстляндии, Латвии, Литвы бегут как черти от лаdana.

Стрелки Эстляндии уже окружают важный узловой пункт Тапс. Наш флот, согласно приказа Совета Народных Комиссаров, оберегает советскую Эстляндию от всевозможных сюрпризов со стороны моря».

В другой статье товарищ Сталин писал:

«Эстляндская трудовая коммуна победоносно идет вперед, разрушая организации эстляндского буржуазного республиканского «правительства», подымая на борьбу трудовые массы городов и деревень Эстляндии».

На подмогу эстонским красным воинам вышли корабли Балтийского флота. За Эстонскую советскую республику отдали свою жизнь моряки кораблей «Спартак» и «Автроила», захваченные и расстрелянные белогвардейскими палачами. Тела героев были найдены только 23 ноября 1940 года, доставлены с острова Найссаре в Таллин и здесь торжественно похоронены.

В смертном страхе наблюдала буржуазия за продвижением к

Таллину эстонской Красной Армии. Рабочие Таллина, воодушевленные успехами эстонской Красной Армии, усилили борьбу.

Буржуазная клика умоляет англичан поспешить, чтобы не опоздать. На английскую эскадру буржуазия возлагает все свои надежды на спасение. 12 декабря 1918 года, когда эстонская Красная Армия уже достигла границ Раквере и вступила в Тартумаский уезд, английские корабли бросили якорь на Таллинском рейде. Буржуазия облегченно вздохнула.

Пролетариат Таллина не пожелал склонить головы перед новыми оккупантами. 17 декабря таллинский комитет партии большевиков организует мощную демонстрацию под лозунгом «Долой англичан! Долой интервентов!»

«За таллинскими рабочими, бастовавшими 17 декабря, — писал Кингисепп в той же книге, — стояло подавляющее большинство эстонского трудового народа».

Буржуазия, у которой приход английских кораблей поднял дух, переходит в наступление на рабочий класс. Вводятся военно-полевые суды, войскам отдается приказ — сразу же открывать огонь по демонстрантам, запрещаются собрания и демонстрации. 17 декабря вечером был разогнан Таллинский Совет, еще раньше буржуазия закрыла большевистскую газету «Коммунист».

Кингисепп в эти тяжелые дни на своем посту. У него в Таллине была целая система конспиративных квартир, в которых он скрывался. Подпольные типографии печатали листовки, написанные Кингисеппом. Заседал подпольный Таллинский комитет большевистской партии.

Задувив рабочее движение в Таллине, эстонская буржуазия с помощью прибывших из Финляндии белогвардейцев начинает наступление против эстонской Красной Армии. Английские корабли высаживают десанты в тылу красных частей. Соединенные силы международной буржуазии нанесли в начале января 1919 года поражение красным войскам. 9 января белые занимают Тапа, затем Раквере, Нарву. 14 января белогвардейцы вступают в Тарту, 31 января — в Печеры и 1 февраля — в Валга и Выру.

Эстонская трудовая коммуна перестала существовать. Началась кровавая тризна. Кровь рабочих лилась рекой. «Под кровавыми потоками белого террора исчезла всякая тень демократи-

ческого строя», — писал Кингисепп. В Эстонии установилась диктатура контрреволюционной буржуазии.

Кингисепп остается в Эстонии на подпольной работе. Начинается самый тяжелый период его жизни. В глубоком подполье, преследуемый сотнями ищек, он сплачивает трудящихся, готовит их к новым боям за советскую власть.

6.

Эстония стала буржуазной республикой. Пролетариат временно потерпел поражение. Он потерял все завоевания и вновь стал объектом угнетения и капиталистической эксплуатации. Законы советской власти были объявлены недействительными, было введено законодательство царского времени и немецких оккупантов.

Буржуазная клика насильно оторвала эстонский народ от братских народов России, разрушила естественные, исторически сложившиеся связи эстонского народа с народами России, что неминуемо должно было привести и действительно привело Эстонию к экономическому прозябанию.

Крупная промышленность по сути дела была сведена на нет. Оборудование лучших заводов продано за границу. Там, где в 1913—1914 гг. трудились свыше 10 тысяч человек, еле находилась работа для сотен или в лучшем случае для 2—3 тысяч. В стране была огромная безработица.

В своих корыстных, узко-классовых целях буржуазная клика попрала национальные интересы эстонского народа. Господство буржуазии, опиравшейся не на народ, а на поддержку иностранных капиталистов, означало ликвидацию самостоятельности эстонского народа, превращение Эстонии в вассальную, зависимую от международного империализма страну.

Эстония стала жертвой алчных империалистических стран. Важнейшие отрасли промышленности постепенно переходили в

руки иностранного капитала. Он властвовал в текстильной промышленности, в бумажной и целлюлозной, в цементной. Он держал в своих руках всю частную сланцевую промышленность, большую часть оптовой торговли Эстонии.

От независимости Эстонии ничего не осталось, страна быстро оказалась в руках иноземной буржуазии. По ее указу делалась внутренняя и внешняя политика Эстонии.

Чтобы выслужиться перед иностранными капиталистами — своими хозяевами, чтобы утолить свою ненависть к революции, буржуазная клика бросила Эстонию в войну против советской России, в войну, которая ничем не была ни оправдана, ни вызвана. Этот преступный и авантюристический поход против советской России антинародные правители рекламировали как «освободительную войну». Истинный характер этой войны раскрывают факты помощи, которую оказывали буржуазной Эстонии в те годы империалистические державы. Из Финляндии было получено во время так называемой «освободительной войны» 21,5 миллионов финских марок, из Франции было получено военного снаряжения на 13,7 миллионов франков, из Англии военного снаряжения на 1,1 миллионов фунтов стерлингов, от США военного снаряжения — на 12 миллионов долларов.

Призрак советской революции неотступно преследовал буржуазную клику, захватившую в Эстонии власть. Буржуазия не могла забыть тех красных месяцев 1917—1918 годов, когда народ на время стал хозяином страны. Вся внутренняя политика буржуазного правительства была подчинена борьбе против коммунистического движения. Эстония была превращена в страну безудержного белого террора.

Действовал так называемый «военный закон», именем которого власти закрывали рабочие организации, творили суд и страшную расправу. Именем военного закона были убиты в Изборске без суда 26 деятелей эстонского рабочего движения. Именем военного закона бросали в тюрьму, расстреливали только за одно сочувствие к коммунизму, к советской России.

Только возвращение к советскому строю, только восстановление советской власти могло вернуть Эстонии самостоятельность и эстонскому народу — свободу. Организатором и вдохновителем

борьбы рабочего класса Эстонии за восстановление советской власти была Эстонская коммунистическая партия.

В обстановке страшного белого террора, царившего в стране, Эстонская коммунистическая партия продолжала свою благородную борьбу за сплочение сил трудящихся, борьбу против буржуазии за счастье народа. Ни тюрьмы, ни расстрелы, ни каторга не были страшны коммунистам, потому что они глубоко любили свою родину, свой народ и были проникнуты твердой уверенностью, что рано или поздно Эстония снова станет советской.

Рабочий класс в этот тяжелый период вел по тернистым дорогам революционной борьбы секретарь Центрального Комитета Эстонской коммунистической партии Виктор Кингисепп. Он все время оставался в Эстонии и на месте направлял деятельность революционных сил.

Как изменилась обстановка, как изменились условия работы... Еще несколько месяцев назад Кингисепп руководил коммунистической партией, являвшейся руководящей силой советского Эстонского государства, а сейчас он вынужден был жить и работать в глубоком подполье, его искала многочисленная шайка полицейских охранников, отдел контрразведки штаба эстонской армии. За голову Кингисеппа была назначена крупная сумма денег. Каждый неосторожный шаг мог повлечь за собой неминуемую и страшную гибель.

Воспоминания товарищей по партии, друзей по подполью, восстанавливают картину жизни Кингисеппа в эти тяжелые годы. Долгое время товарищ Кингисепп скрывался в квартире Тельман. Сельма Тельман вспоминает:

«Ясно помню день, когда Кингисепп пришел к нам. Он был в потертом пальто и выцветшей кепке. Чтобы не стукнуться головой, он должен был наклониться, переступая через порог. Сняв шапку и пальто, он заметил, что табурет сломан, попросил молоток и гвозди и стал чинить нашу, разрушившуюся от переездов, мебель. Покончив с этим, он приступил к своей работе.

Кингисепп имел редкую работоспособность. Он работал ночью, как и днем, спал часто по 2—3 часа, но никогда не жаловался на усталость. Шагая по комнате он диктовал свои статьи, как урок, не внося в них позже ни одной поправки. Все мысли у него были заранее сформулированы».

Тов. Тельман приводит эпизод, из которого явствует, какие опасности подстерегали его на каждом шагу:

«Однажды он был вынужден остановиться у одной старой супружеской четы, у которых в квартире было крайне грязно. Их жилье так и кишело насекомыми. Чтобы найти от них некоторую защиту, Кингисепп сделал под потолком из досок нары, где мог спокойно спать. Как-то раз, когда Кингисеппа не было дома, пришел к нему один товарищ; незамеченный хозяевами, он залез на полку и там стал дожидаться Кингисеппа.

Несколько минут спустя в комнату вошел старик и говорит жене: — Знаешь, старуха, я слышал, что наш постоялец и есть Виктор Кингисепп, который скрывается от полиции. Кто его выдаст, получит большую сумму денег. Как ты думаешь, что если известить полицию, что у нас находится этот человек. Получили бы мы деньги. Я мог бы сказать, умирая: старик в своей жизни хорошо выжил! . . .

У товарища, который был на полке, пошли мурашки по телу при мысли о том, в какой опасности находится Кингисепп. Когда Кингисепп вернулся, он рассказал ему об этом и полагал, что теперь Кингисепп сразу же переменит квартиру. К его удивлению Кингисепп остался совершенно спокоен и сказал, что в его расчетах прожить здесь еще несколько месяцев. Он позвал стариков и сказал им, что слышал их разговор. Старики испугались. . .»

Кингисепп спокойно убедил их в том, что он вовсе не Кингисепп, а бедный журналист, приговоренный к 4 месяцам за газетные статьи, и бежавший из тюрьмы. После этого случая он жил там еще 8 месяцев.

Кингисепп был крайне нетребователен и скромен во всем, что касалось его самого. Сельма Тельман рассказывает:

«На себя Кингисепп тратил крайне мало. Он ходил в потертой одежде и в заплатанных сапогах. Мы зарабатывали мало, питались бедно, но хотели приготовить ему пищу получше. Он никогда с этим не соглашался, а если мы пытались подсунуть ему еду получше, то он сразу это замечал и отказывался от нее. . .»

Когда выдавалась свободная минута в этой полной опасности и напряженной работы жизни подпольщика, Кингисепп любил пошутить, посмеяться. Сельма Тельман пишет:

«Кингисепп был редкий собеседник. Он садился в своей любимой позе на полу, упершись локтями в колени, и начинал рассказывать.

В своей жизни он соприкасался с разными людьми и хорошо описывал их. Часто это было так естественно и потому комично, что можно было смеяться до судорог... Самыми захватывающими были рассказы о нелегальной жизни, из которых мы могли черпать опыт для будущей работы...»

Три с половиной года Кингисепп оставался в подполье и неумоимо вел коммунистическую работу. Он в эти годы проявил себя, как выдающийся мастер нелегальных форм борьбы. Он восстанавливает разгромленные в конце 1918 года большевистские организации, создает нелегальные типографии, где печатается «Коммунист».

Воспоминания Алисы Тооминг дают представление об обстановке, в которой Кингисепп работал над «Коммунистом».

«Я впервые увидела Виктора Кингисеппа в 1918—1919 гг. в волости Харку, на хуторе Кесккюла, в доме своей тети, где у Кингисеппа была конспиративная квартира.

Летом он работал в кладовой. Спал на сеновале. Я видела его иногда за едой, так как он любил обедать вместе с другими. Часто Виктор Кингисепп впадал в задумчивость...

В 1920 году мой отец переселился в Сауэ, на хутор Каутъяла, где мы в задней комнате дома оборудовали типографию. Печатающие производилось ручным прессом.

В апреле 1921 года мы переехали на хутор Уку. Типография первоначально была в подполье под жилой комнатой, но здесь было тесно и мы вырыли новый подвал под всем помещением. Эта типография была уже довольно большая. Работы было много, работали два наборщика, а печатать помогал мой отец. Часто Кингисепп говорил, что наш «Коммунист» выглядит не хуже буржуазных газет. Типография действовала до 3 мая 1922 года, когда в результате предательства попала в руки полицейской охранки».

В 1921 году под руководством Кингисеппа работало пять подпольных типографий. Осенью того же года они были объединены в одну обширную. Подпольный «Коммунист» выходил в 1922 году очень часто. Так № 1 вышел 1 января, № 2 — через две недели, № 3 — 4 февраля, № 4 — 20 февраля. Редактировал га-

зету сам Кингисепп, он же писал для нее передовые и другие статьи. Подзаголовком газеты стоял лозунг: «Долой Эстонское буржуазное государство! Да здравствует Эстонская советская республика трудящихся!»

Все нити большевистской деятельности в стране вели к подпольной квартире, в которой скрывался и работал Кингисепп. Лишенный возможности бывать на заводах, выступать на митингах, вынужденный встречаться с ограниченным кругом лиц, он, однако, лучше, чем кто-нибудь иной, знал, что происходит в стране, в различных уездах, и его направляющая рука ощущалась во всем.

Кингисепп проводил по-истине огромную работу по укреплению коммунистических организаций. Полиция иначе его и не называла, как «главный деятель нелегальной коммунистической партии Виктор Кингисепп». В обвинительном заключении по делу 115 революционеров содержатся многочисленные выписки из писем Кингисеппа, найденных полицией при обыске у депутатов-коммунистов Государственного Собрания и Городской Думы. Сейчас невозможно определить, в какой мере все эти письма действительно принадлежали перу Кингисеппа, так как оригиналы не сохранились. Однако содержание их дает основание думать, что они написаны им, и архив полиции в этом случае стал своеобразным архивом материалов нелегальной большевистской организации...

24 января 1921 г. Кингисепп пишет письмо коммунистической фракции Государственного Собрания, в котором излагает целую программу работы коммунистов-депутатов, критикует ошибки оргбюро фракции.

«Организационная работа является частью, и важнейшей частью того революционного парламентаризма, который должны осуществить наши депутаты Государственного Собрания. Главная тяжесть организационной работы пролетариата в стране лежит именно на членах оргбюро, как на единственных легальных лицах. Нам не безразлично, если Ваня, или кто-нибудь другой, поедет куда-нибудь и забудет взять с собой резолюции и другие материалы, а поедет туда только для того, чтобы вести незначительную беседу, и возвратясь может Вам так мало сообщить, что этого не может опубликовать даже «Голос угнетенных». Это не

революционная работа, если ее так проводят. Если наши члены оргбюро сами такие безинициативные, что не умеют установить самых незначительных связей, когда они бывают на собраниях на местах, тогда их нужно учить... Поэтому мне и нужно было установить с вами связь, чтобы давать им подробные указания в каждом случае, когда они выезжают. Повторяю — все выезды должны происходить под нашим непосредственным руководством. Например, случай поездки в Тарту. Мне нужно было товарищу, который туда поехал, дать много заданий, так как я связан с местными людьми, но он уже уехал и придет с тем же, с чем приехал из Вильянди, откуда он не привез даже материала для «Голоса угнетенных». Все это я пишу для того, чтобы показать, что выезды членов оргбюро не могут быть случайны. В организационной работе, которую мы проводим в деревне, я больше всего надеюсь на ваше сотрудничество. Сейчас у Вас много работы в коллегии редакции, но мы надеемся, что сможем дать вам еще одного человека. Вы это уже знаете. Поэтому вам нужно часть своей работы переключить на организационную работу. Подробные проекты инструкций, речи, резолюции, все это, что необходимо членам оргбюро при выезде, даем мы. Вам нужно бы еще объяснить все это устно, но вы знаете, что возможности устроить свидание с членами оргбюро трудны и могут быть лишь в исключительных случаях. Наши деловые связи происходят большей частью письменно. Этим путем будут разъясняться те вопросы, которые мало понятны. Я надеюсь, что деятельность оргбюро заключается не только в том, чтобы идти «к горе», а в том, чтобы сама «гора» приходила к Магомету, то-есть, чтобы представители рабочих приезжали бы в оргбюро. Особые задачи стоят перед нами в вопросах приемов и создания новых связей в дальнейшем. Как вы думаете, можно ли довериться машинистке, проверьте» (Госархив ЭССР, дело № 51, стр. 20 об. — 1922 год).

Далее, как указывалось в обвинительном акте, 26 января 1921 года, т. е. через два дня, Клингсепп прислал секретарю комфракции письмо следующего содержания:

«Вы уже ездили в некоторые уезды. Вы познакомились с положением. Теперь надо взяться серьезно за организационную работу в деревне. Мы будем в вопросах организационной работы также крепко нажимать на Вас, как мы делаем в вопросах нашей

внутренней работы. Поэтому прошу Вас серьезно относиться к нашим указаниям и предписаниям. Каждый член фракции должен основательно познакомиться с той частью революционного парламентаризма, которой является организационная работа.

В деревне батраки еще не знают о борьбе за повышение заработной платы. Их нужно с этим познакомить. В деревне еще не знают, как нужно организовывать забастовки сельскохозяйственных рабочих. Их нужно учить этому. Одним словом, везде нужно учить — тактике и методам классовой борьбы. В третьих, вы должны запомнить, что члены оргбюро должны использовать все возможности для установления связей с союзами рабочих, используя при этом свои личные знакомства и связи, полученные через других товарищей.

Сколько связей установлено с союзами рабочих с тех пор, как оргбюро начало действовать? Сколько для этого сделано подготовительной работы? Если до сих пор не сделано, то это нужно делать теперь» (Госархив ЭССР, д. № 51, ст. 21, 1922 год).

Кроме того, согласно обвинительному акту, 26 января и 27 января 1921 года Виктор Клингсепц под псевдонимом Тибуса отправил в оргбюро два письма. В обоих письмах даются следующие указания об организационной работе в уездах.

«Я обещал вам послать проект вопросов, которые должны знать члены оргбюро при выездах и возвращении из уездов, но, повидимому, я не сумею закончить его к отправлению почты. Пришлю завтра».

В другом письме Клингсепц пишет:

«Я обещал вам дать основательные указания о том, какие сообщения вы должны требовать от членов оргбюро по возвращении их из поездок. Теперь я передумал это и пришел к решению, что таких подробных инструкций, которые одинаково подходили бы к каждому уезду, нельзя выработать. Два уезда, Харью и Лянема, остаются в поле деятельности представителя Харьюма. Ему нумно объездить эти уезды. Указания ему даст член нашего Центрального Комитета Моор, но для других уездов я напишу и в каждом отдельном случае дам указания и проекты речей. Вы тоже остаетесь оргзвеном и инструктором.

Теперь перейдем прямо к тем инструкциям, которые я обещал дать. Дело простое. Вы каждый день общаетесь с членами

оргбюро, знаете, куда они поедут, какие задачи стоят перед ними. Об этом вы мне и сообщайте. Я сделаю так, чтобы согласовывалась работа, которую проводят члены оргбюро и другие нелегальные люди. Со своей стороны мы вам сообщим, что нужно делать. Спросите у членов оргбюро, как они поняли данные указания» (Госархив ЭССР, д. № 51, ст. 22—23 — 1922 год).

28 января 1921 года Виктор Кингисепп под подписью Тибуса пишет третье письмо в оргбюро. В нем даются указания о посылке организатора в Харьюма.

6 февраля 1921 года Кингисепп дает письменные указания коммунистам-депутатам о том, что нужно говорить на собраниях. 19 февраля Виктор Кингисепп под псевдонимом Тибуса вновь посылает письмо в оргбюро, в котором обязывает всех депутатов использовать всю свою энергию на организационной работе среди масс.

В письме, написанном Виктором Кингисеппом 19 марта 1921 года на имя оргбюро, он касается агитационной работы перед съездом сельскохозяйственных рабочих. «Наша агитация должна непрерывно развиваться. Получил Ваше письмо, в котором сообщается, что Вы можете послать в деревню приблизительно 15 агитаторов, хотя это мало, но все же больше, чем ничего. Сообщите, как произошла отправка агитаторов» (Госархив ЭССР, д. № 51, ст. 24 — 1922 г.).

Эти письма — яркие свидетели многогранной и напряженной работы Кингисеппа по укреплению партийных организаций, их связей с массами. Он прививал деятелям партии большевистские методы работы, направляя их по ленинскому пути революционной борьбы.

Кингисепп умело сочетал нелегальную форму борьбы с использованием легальных возможностей. Коммунисты не могли участвовать в выборах в первое Государственное Собрание, которое состоялось в 1920 году. Свои лозунги и своих кандидатов компартия выдвинула через группу, существовавшую при Центральном Совете Профсоюзов, которая получила на выборах около 25 тысяч голосов, и это только в четырех избирательных округах. Коммунисты распространяли свое влияние и на партию независимых социалистов, которая на тех же выборах получила свыше 10 процентов всех голосов. С усилением влияния коммунистов в этой

партии она в 1922 году раскололась и ее левый фланг образовал основную часть созданной в том же году партии трудового народа Эстонии. Партия трудового народа Эстонии в значительной части находилась под влиянием коммунистов. Эта партия участвовала в «Едином фронте трудового народа», который под руководством коммунистов на выборах во второе Государственное Собрание, состоявшихся уже после смерти Кингисеппа, в 1923 году, получил десять процентов всех голосов.

«Единый фронт трудового народа», по предложению коммунистов, в начале 1922 года выдвинул 12 требований, которые стали боевой платформой борьбы эстонских рабочих и трудящихся крестьян против буржуазной клики. В выработке этих «12 требований» Кингисепп принимал деятельное участие.

«Единый фронт трудового народа» требовал установления минимальной зарплаты, восьмичасового рабочего дня, как максимального, обеспечения рабочих на случай болезни, несчастья, безработицы и т. д.; отмены арендной платы за землю и за рыбную ловлю; разрешения квартирного кризиса; перенесения налогового бремени с беднейших слоев населения на более зажиточные; обеспечения детей бедняков обувью, одеждой, учебниками; отпуска охранной полиции и использования расходованных на нее средств на просветительные цели и улучшение положения рабочих; свободы собраний, союзов, печати; закрытия «кайцелита»; прекращения политических процессов и т. д.

Боевая платформа, выдвинутая «Единым фронтом трудового народа», быстро добилась широкого признания в рабочем классе.

Буржуазная пресса называла Кингисеппа «самым активным деятелем Государственного Собрания», прозрачно намекая на то, что все выступления коммунистов-депутатов составлены целиком им самим или по его инструкциям.

Так, в № 39 от 18 февраля 1921 года газета «Кай» высказывала соображения, что выступление члена коммунистической фракции Алликсо на заседании Государственного Собрания 25 января 1921 года было подготовлено Кингисеппом.

«Теперь, писала газета, в руки политической полиции попал документ, который показывает, что В. Кингисепп дал депутатам-коммунистам самые подробнейшие инструкции», и приводит содержание этого документа.

Ex bibl. univ. Tartu

Обвинительное заключение по делу 115 содержит следующие выводы, к которым пришла полиция, расследуя деятельность комфракции Государственного Собрания.

«Всею деятельностью коммунистической фракции Государственного Собрания руководил Кингисепп... Фракция не предпринимала ничего без указаний Кингисеппа. Все речи, с которыми выступали члены коммунистической фракции, санкционировались Кингисеппом.

При переписке с фракцией Кингисепп подписывался псевдонимами: «Тибус», «Рубен», «Нееро», а иногда подписывал письма своими инициалами: «В. К.» (Виктор Кингисепп). (Госархив, д. № 51, л. 17 — 1922 г.).

Далее в обвинительном акте утверждалось, что:

«21 января 1921 года Кингисепп написал письмо члену Государственного Собрания Алликсо и секретарю фракции П. Раудсепу, в котором даются указания, что нужно делать при установлении единого фронта между коммунистической и независимой социалистической партиями».

28 февраля 1921 года Кингисепп под псевдонимом «Рубен» посылает комфракции Государственного Собрания проекты речей для выступления в Государственном Собрании.

7 марта 1921 года Кингисепп также под псевдонимом «Рубена» дает указания фракции о порядке дня заседания Государственного Собрания 8 марта.

Буржуазная клика знала, что всей революционной деятельностью в стране руководил из подполья Кингисепп. Поиски его усилились.

Буржуазная печать всячески подзадоривала политическую полицию к более активным розыскам Кингисеппа. Почти ежедневно в газетах печатались сенсационные выдумки о его возможном местонахождении. Вот «Ваба Маа» от 15 марта 1921 года с крупным заголовком на первой странице: «Новая конспиративная квартира Кингисеппа, к которой полиция не находит доступа». В этой статейке писалось: «От деятелей профсоюзных кругов стало известно, что Кингисепп в последнее время послал фракции Государственного Собрания, фабричным коллективам и партийным товарищам новое письмо... Как нам рассказывают, Виктор Кингисепп в последнее время переживал в подполье очень тяже-

лые моменты, которые заставили его искать себе более надежную конспиративную квартиру. В настоящее время его конспиративная квартира должна находиться в центре города . . .»

В № 140 «Ваба Маа» от 2 июля 1921 г. опять была помещена статья: «О деятельности наших подпольщиков. Где живет и как работает Виктор Кингисепп».

Газета «Кая» в номере 139 от 1 июля 1921 г., возвращаясь (который раз) к недавшему ей покоя вопросу о местонахождении Кингисеппа, писала: «Кингисепп все время жил в Эстонии. В данное время он проживает в Таллине».

Газете «Кая» (органу крупных землевладельцев) вторили газеты «Пяэвалехт» (орган крупных промышленников) и другие. Все они изощрялись в догадках о местонахождении Кингисеппа и радовались каждому новому аресту коммунистов и рабочих активистов.

Одновременно наносятся удары другим деятелям рабочего движения. Весной 1921 года было арестовано около 150 представителей рабочих. Их почти всех предали военно-полевому суду «за попытку свержения существующего строя». Это был процесс 115-ти, состоявшийся весной 1922 года. 50 обвиняемых были приговорены к каторжным работам на разные сроки.

1 мая 1922 года состоялась крупная демонстрация революционных рабочих Таллина. Инициаторами и организаторами ее были коммунисты. Рабочие колоннами прошли по Нарва манте в Кадриорг к памятнику «Русалки» и оттуда обратно в город. В демонстрации участвовали видный эстонский коммунист Ян Креукс и молодой подпольщик Мальм-Линкхорст.

Позднее Креукс писал:

«Утром 1 мая мы пошли окольными путями посмотреть на демонстрацию. Мы стояли в стороне от «Русалки» и интересовались количеством участников демонстрации. После короткой остановки мы пошли дальше в направлении Нарвского шоссе . . . На углу улицы Ризенкампа мы заметили Варфоломеева (provokatora. Авторы.) с двумя другими шпиками . . . Делая небольшие круги мы подошли к углу Нарвского шоссе и хотели перейти улицу, как вдруг Мальм сообщил: Варфоломеев на углу . . . Я велел Мальму вернуться. Вслед за этим раздались револьверные выстрелы, крик и беготня . . . Было как в бою во время штурма . . .»

Бреуксу удалось бежать, но Мальм-Линкхорст был схвачен. Бреукс немедленно сообщил Кингисеппу об его аресте. Линкхорст знал местопребывание Кингисеппа, но это Кингисеппа не смутило, так как он не предполагал, что Линкхорст пойдет на предательство. Кингисепп остался в том месте, где был.

2 мая 1922 года состоялся суд над Линкхорстом. Он был приговорен к расстрелу. На суде Линкхорст держался очень трусливо, заявлял, что он никогда не был коммунистом, просил о помиловании, обещал стать «полезным гражданином Эстонской республики».

Но его просьбы о помиловании были отклонены.

Охранка видела, что Линкхорст любой ценой готов спасти себе жизнь. Ему была обещана жизнь, если он выдаст конспиративную квартиру Кингисеппа. Трус и предатель пошел на это.

Получив сведения о конспиративной квартире Кингисеппа, чиновник контрразведки Пальм вместе с начальником охранки и другими агентами политической полиции в ту же ночь отправились на улицу Кару. Туда же на машине полковник Раудвере привез предателя Линкхорста, переодетого в женское платье.

Вот как описывала буржуазная пресса обстоятельства, при которых политической полиции удалось обнаружить Кингисеппа.

Газета «Пяэвалехт» в № 101 от 4 мая 1922 года сообщала с ликованием:

«Вождь эстонских коммунистов Кингисепп арестован вчера ночью после долгих розысков. Уже давно были проверены сведения, что Кингисепп проживает и работает в Таллине и его окрестностях, а также находится в самой тесной связи с коммунистической фракцией Государственной Думы, дает ей инструкции.

«В последние дни конспиративная квартира Кингисеппа стала известна политической полиции». (О том, что Кингисеппа предал Линкхорст, «Пяэвалехт», конечно, умалчивал. Авторы.) «... Квартира находилась на Медвежьей улице № 14, теперь улица Кару, параллельной Нарвской. Улица довольно пустынная и там было мало движения. Было известно, что он живет в доме, находящемся во дворе. Со стороны можно было думать, что это какой-нибудь сарай, а не жилой дом».

Газета «Ваба Маа» в № 101 от 4 мая 1922 года, расписывая, какие «трудности» пришлось преодолеть полиции, сообщала:

«Окружение конспиративной квартиры Кингисеппа было чрезвычайно трудным делом, так как темной ночью пришлось идти по огороду, почва которого была еще мягка, а со стороны улицы были глубокие канавы с земляными кучами на краях. Окружавшие дом могли каждую минуту споткнуться и оказаться по колено в грязи».

Далее «Баба Маа» представляла дело так, будто полиции было «неизвестно местопребывание Кингисеппа. Поэтому обыск был произведен во всех ближайших домах, но Кингисеппа там не оказалось и о нем никто ничего не знал. Находящегося на Медвежьей улице во дворе дома № 14 маленького дома никто почти не заметил. После обыска в других домах, приступили к обыску и в нем. Вход в дом вел через прачечную. Там жила 58-летняя Тельман с двумя дочерьми. Они вначале не хотели впустить полицию. Дверь была открыта только после угроз, что ее взломают. Кингисеппа вначале в квартире не нашли, но подозрение, что он тут, имелось.

«При дальнейшем обыске с помощью простукивания стены был обнаружен ход. Выяснилось, что в стене находится потайная дверь, которая и была взломана. За дверью было маленькое помещение, где находился Виктор Кингисепп, готовый к сопротивлению. В руке он держал револьвер с взведенным курком. Прежде, чем он успел спустить курок, револьвер был выбит у него из рук. Кингисепп оказался полуодетым, на нем были брюки, жилет. Он был без пиджака и босиком. . . Сразу же на его руки были одеты наручники и редкая добыча была направлена в политическую полицию».

Газета «Пяэвалехт» описывает обстоятельства ареста так:

«На стук дверь была открыта без сопротивления. В маленькой комнате находились три женщины, которые назвали себя квартирантками. В углу комнаты, за занавесью, спал разыскиваемый. Он хотел схватить револьвер, но ему помешали».

На самом деле в доме Тельман, где скрывался Кингисепп, полиция вначале, несмотря на самый тщательный обыск, обнаружить его не смогла. Тогда полицейские снова обратились к Линкхорсту и предатель сказал: в прачечной за печкой есть тайное помещение, ход в которое ведет из квартиры. Там должен находиться Кингисепп.

Пальм и другие агенты полиции ворвались в это помещение. Кингисепш был схвачен.

Приведем еще рассказ Сельмы Тельман, очевидца ареста Кингисепша, старого члена большевистской партии. Тов. Тельман пишет:

«2 мая 1922 года ночью мать разбудила нас криком: «Вставайте, наш дом окружают». Вскочили с кроватей, стали будить Кингисепша. Никакого ответа. Накануне ночью он работал и крепко спал. Наконец после сильной встряски открыл глаза. Сообразив серьезность положения, он схватился за оружие. Едва он успел набросить на себя часть одежды, как дверь сломали. Комната наполнилась вооруженными солдатами и агентами полиции с приготовленным к стрельбе оружием. Потребовали показать, где Кингисепш. Мы ответили, что никогда его не видели и не знаем его убежища. На это последовал поток непристойных слов. Начались поиски. Когда никого не нашли — приказали нам всем собираться... Меня охватила радость, появилась надежда, что его убежище осталось ненайденным. Мы мгновенно оделись. Может быть заметили наше стремление уйти поскорее, мимолетный блеск радости в моих глазах, или у полицейских вновь зародилось подозрение, но они снова начали поиски, пока Пальм не заметил дверь, ведущую в убежище Кингисепша. (Установлено, что об этом ходе сказал Пальму предатель Линкхорст. Авторы.)

«Когда нашли дверь в помещение, где был Кингисепш, я испугалась первый раз в жизни. Чувствовала, как кровь отхлынула от лица, побледнела, оцепенела на мгновение. Во рту пересохло. Хотела что-то сказать, но не могла. Мозг пронзила мысль: теперь они его убьют... Помню, как он сидел на краю кровати с закованными руками и поднятой головой, с иронической улыбкой на лице. Потом видела его выходящим среди солдат, босиком и в рубашке...».

Его отвезли в охранку. Туда немедленно же прискакал министр внутренних дел Эйбунд (Энпалу). Палач был на седьмом небе от радости. Он спросил Кингисепша:

— Вы меня знаете?

Кингисепш смело бросил ему в лицо:

— По карикатуре, вы как будто бы кровавая собака Эйбунд.

Взбешенный Эйбунд (Энпалу) выскочил из камеры и приказал усилить стражу. Полиция начала пытать Кингисеппа. Пытки были ужасные, от их описания стынет кровь в жилах. Кингисепп держался мужественно.

Буржуазия решила поскорее покончить с Кингисеппом. Особенно торопил казнь Энпалу:

— Надо быстрее кончать с Кингисеппом, ибо советская Россия постарается выручить его.

Действительно советское посольство в Таллине немедленно предприняло шаги, чтобы обменять Кингисеппа на находившихся в Советском Союзе арестованных контрреволюционеров. Министр иностранных дел Анц Пийп, лицемера, успокаивал полпреда советской России, что «дело Кингисеппа . . . навряд ли дойдет до суда». Тем временем спешно готовилась кровавая расправа.

Не истекло и 24 часов после ареста Кингисеппа, как вышел приказ военного министра от 3 мая 1922 года. Он гласил:

«На основании постановления Временного правительства от 25 марта 1919 года и решения правительства республики от 1 декабря 1920 года, учреждаю в Таллине военно-полевой суд . . .

Указанному военно-полевому суду собраться в Таллине в «Доме военных» 3 мая 1922 года в 18 часов и не более, чем в течение двух суток рассмотреть дело по обвинению Виктора Эдуардовича Кингисеппа из волости Каарма, Саремаского уезда . . .»

Далее следовали обвинения. Кингисепп обвинялся в том:

«Что он, начиная с 1918 года до сего времени подымал в Эстонской республике народ на восстание за свержение существующего в Эстонской республике государственного и общественного строя, создавая для этого подпольные организации и распространяя соответствующую литературу;

что он в ночь на 3 мая 1922 года, желая убить чиновника республиканской охранной полиции Юлиуса Пальма, находившегося при исполнении служебных обязанностей, оказал ему вооруженное сопротивление, но по независящим от него обстоятельствам не мог выстрелить, так как револьвер у него отняли и самого взяли под стражу».

В тот же день, 3 мая, Кингисепп был доставлен в военное министерство на ул. Пагари. Ему был зачитан этот приказ. Кингисепп выслушал его очень спокойно. У него спросили — кого

он хочет себе в защитники. Кингисепп ответил, что желает защитника из советской России, а от таллинских адвокатов отказывается. Одновременно Кингисепп заявил, что его заключительное слово на суде продлится по крайней мере три часа.

В 18 часов в «Доме военных» началось заседание военно-полевого суда. Весь район был оцеплен вооруженными силами. Кингисеппа под сильной охраной провели в зал. Он шел, с высоко поднятой головой. На руках у него звенели наручники.

За столом суда сидели офицеры, в зале, куда ни взглянешь, стояли солдаты и блестели пистолеты. Был зачитан обвинительный акт. На вопрос суда о профессии Кингисепп ответил:

— Я работал против буржуазного правительства Эстонии.

Тут же Кингисепп заявил, что отказывается от назначенного судом защитника, так как является юристом и будет сам себя защищать.

Держался на суде Кингисепп исключительно мужественно и даже врагов поразил своей непреклонностью и твердостью.

Даже такая газета, как «Ваба Маа» в номере от 5 мая 1922 г. вынуждена была это признать. Она писала: «Кингисепп вел себя на суде чрезвычайно вызывающе, отвергая все направленные против него обвинения. На вопросы отвечал прониически. Заявил, что его последним желанием является, чтобы буржуазная эстонская независимость не просуществовала бы долго... Предоставленное ему слово он использовал для того, чтобы держать речь о целях коммунизма, о состоянии пролетариата и оказать влияние на охраняющих его солдат, но председатель предложил ему быть ближе к делу».

Суд был краток, так как Кингисепп отказался давать какие-либо показания. В последнем слове он сказал:

— Что же торговаться? Здесь не продажа лошадей. Я знаю, что приговор у вас давно готов. Вы — суд палачей!

Военно-полевой суд приговорил Кингисеппа к расстрелу.

В ту же ночь машина с притушенными фарами выехала из комендатуры и направилась к военному кладбищу. Там Кингисеппа, у которого руки были закованы в кандалы, вывели из машины. Солдаты окружили Кингисеппа и повели его к песчаным холмам, находившимся на берегу озера Юлемисте.

Когда поднялись по команде винтовки, Кингисепп крикнул:
— Да здравствует Эстонская советская республика!

Раздался залп. Тело Кингисеппа было сразу зарыто, а могилу сравняли.

И труп Кингисеппа был страшен буржуазии. Дней через 15 после зверского убийства, агент полиции Пальм и другие на двух автомашинах прибыли сюда, к месту расстрела. Отрыв труп, они ночью, тайком, отвезли останки Кингисеппа к морю, там сели в моторную лодку, уже поджидавшую их. Охранники отъехали на несколько десятков километров от берега, привязали к трупу железную гиру и бросили тело Кингисеппа в открытое море.

Глубокая скорбь схватила трудящихся Эстонии при известии о гибели Кингисеппа. В «Правде» 6 мая 1922 года была напечатана телеграмма:

«Ревель, 5 мая. Зверское убийство Кингисеппа вызвало взрыв возмущения в рабочих кругах Эстонии. В знак протеста против белогвардейской политики правительства объявлен ряд забастовок. Бастуют многие заводы, фабрики, типографии. Сегодня забастовали также портовые рабочие. Приостановлены портовые работы по разгрузке пароходов».

Гибель Кингисеппа потрясла рабочих всего мира. В Москве в Большом театре состоялся митинг протеста против злодеяний эстонской буржуазии. Подобные митинги прокатились по всей советской России. В память покойного пограничный город Ямбург русский народ переименовал в город Кингисепп.

18 июня 1922 г. делегация английской компартии посетила эстонское посольство в Лондоне и заявила решительный протест против разгула белого террора в Эстонии.

Память Кингисеппа почтили рабочие Финляндии, Китая, Германии... В «Роте Фане» № 225 от 16 мая 1922 года напечатан отчет о собрании Центрального Комитета компартии Германии, на котором товарищ Пик выступил с речью о Кингисеппе. Собрание почтило вставанием память вождя эстонских трудящихся и вынесло резолюцию, в которой выразило самый решительный протест против расправы над Кингисеппом.

«Правда» в том же номере пророчески писала:

«Сплачиваясь все сильнее под знаменем коммунистической партии для последней и окончательной борьбы и победы, эстон-

ский пролетариат никогда не забудет имени своего неутомимого вождя, предательски убитого агентами буржуазии».

Пролетариат Эстонии в борьбе за советскую власть всегда имел перед глазами немеркнущий образ Виктора Кингисеппа. Эта борьба, потребовавшая стольких жертв, наконец была увенчана победой. Сбылись мечты Кингисеппа — родная Эстонская земля вновь живет под красным знаменем советской власти.

Ответственный редактор И. Саат.
Художественное оформление А. Лухтейн.

Сдано в набор 5 III 1946. Подписано к печати 12. VII 1946. Формат бумаги 56 : 79 см ¹/₁₆. Тираж 3.500. 36.480 зн. в печ. л. 3,75 печ. л. 3,08 учетн. л. МБ-03 885. Заказ № 490.

Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк 40/42.

Руб. 3.—

A-99